

БИБЛИОТЕКА
ДЕТСКАЯ

ДРУГЪ ДѢТЕЙ

491.71(082)

ДѢТСКАЯ КНИЖКА Д 363

ред

= ВТОРАЯ =

ПОСЛѢ АЗБУКИ.

Составилъ И. Деркачевъ.

Съ многочисленными рисунками И. С. Панова.

ск

МОСКВА.—1896.

Изданіе Товарищества И. Д. Сытина.

2

(Проверено 1952 г.)

ГОС. БИБЛИОТЕКА
ПО НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ

№ 709 980.

Дозволено цензурою. Москва, 21 июля 1895 г.

Наше родное.

Родина.

Много на свѣтѣ мѣсть, гдѣ жить привольно, но всякаго тянетъ туда, гдѣ онъ родился и жилъ съ родными своими.

Тамъ все ему знакомо и дорого.

Дорогъ ему всякій уголь въ родномъ домѣ: тутъ еще малымъ ребенкомъ онъ въ зыбкѣ качался; всякій кустикъ въ отцовскомъ саду ему другъ и пріятель.

Мила ему родная рѣчка: тамъ онъ съ другими ребятами лѣтомъ купался.

Милъ ему лѣсъ, гдѣ знаетъ онъ всякое
деревцо и всякій долочекъ.

Любо ему поле: въ немъ всякій загонъ
съ малыхъ лѣтъ ему памятенъ.

Дорого ему кладбище, гдѣ схоронены его
дѣды.

Кто живетъ на чужой сторонѣ, помнитъ
родину свою крѣпко. А когда вернется, то
словно оживетъ, и воздухъ будто другой,
и люди будто лучше. Выйдетъ онъ на улицу:
всякій челоуѣкъ ему родня или знакомый,
а то и пріятель.

Любовь къ родинѣ.

Мила мнѣ русская природа
И быть родного мнѣ народа;
Всѣ ежедневныя картины,
Поля, и села и равнины...
Люблю я тройку удалую
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованую сбрую
И золоченую дугу.

Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги,
Но гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Идутъ безчисленны суда.

Гр. А. Толстой.

Церковь.

Когда ты въѣзжаешь въ село, что
прежде всего тебѣ бросается въ глаза?
— Церковь.

Стоитъ она выше всѣхъ домовъ; коло-
кольню ты еще версты за двѣ завидѣлъ.

Церковь стоитъ поодаль отъ всѣхъ до-
мовъ: ни на одинъ домъ она не похожа и
больше всѣхъ домовъ.

Ни въ одинъ домъ не пойдутъ міряне со
всего села, а въ церкви мѣсто для всѣхъ
есть: и старому и малому, и богатому и

бѣдному, и здоровому и больному. Всѣ равно предстоятъ предъ Господомъ.

Въ церкви тебя крестили.

Въ церковь тебя принесутъ, когда отдашь душу Богу.

Близко церкви тебя похоронятъ.

Посмотри: вокругъ церкви лежатъ отцы

твои, дѣды и прадѣды. Всѣ они въ церкви крестились, женились, приносили крестить своихъ дѣтей; всѣ они тамъ молились, гдѣ ты молишься.

Стало-быть, церковь не то, что всякій другой домъ. Въ иной домъ ты самъ не пойдешь, въ иной тебя не пустятъ. Въ иномъ домѣ у тебя другъ, въ иномъ врагъ.

Но въ церковь Божию всѣ входятъ: и знакомые и незнакомые, и родня и неродня, и други и недруги; и часто враги, предстая въ одно время предъ престоломъ Божиимъ, умиляются сердцемъ и забываютъ объ обидахъ.

Завѣщаніе русскаго мужика.

Жилъ былъ мужикъ. Поработалъ на нивѣ, и вотъ пришло время лечь въ землю, сложить свои кости на Божьей нивѣ.

Позвалъ мужикъ сына и говоритъ ему:

„Сынъ мой, живи своимъ умомъ да такъ, чтобъ у тебя во всемъ былъ толкъ, а не безтолочь. Не ѣзди съ бороной по воду, не ходи съ цѣпомъ рыбу удить. Но не бросай ни бороны, ни цѣпа. Борона поработаетъ тебѣ на полѣ, а цѣпъ—на гумнѣ. Цѣпъ—хорошая вещь, но не для того, чтобъ рыбу удить. И полезная вещь не годится, когда она не на своемъ мѣстѣ. И полезный человекъ не годится, если ты его приставишь не къ своему дѣлу. Одинъ лучше въ деревнѣ, а другой—въ городѣ, одинъ—въ лавкѣ, а дру-

гой—при сохѣ. И ты не бросай своей кормилицы сохи“.

Похоронили мужика. Сынъ обложилъ могилу дерномъ и поставилъ деревянный крестъ. А завѣщаніе отца сохранилъ въ своемъ сердцѣ—и остался пахаремъ.

Городской и деревенскій.

„У насъ въ городѣ, — говорилъ городской мальчикъ деревенскому, — чего ни вздумай — все достанешь: и кольца золотыя, и камни цвѣтные и всякія вещи. Все купцы навезли и продаютъ въ лавкахъ“.

— Хорошо, коли деньги есть, — отвѣчалъ деревенскій. — А тоже хлѣба ли кусокъ, огурцовъ ли достать, — бѣгай за всѣмъ въ лавочку. У насъ, вотъ, все съ поля да съ огорода: и хлѣбъ, и капуста, и ленъ для нитокъ.

„Да еще посеѣй ленъ, спряди нитки; а въ городѣ, ты знаешь, не пахутъ, не жнутъ, а калачи жуютъ. У насъ все готовое“.

— Да деньги-то не готовыя, — отвѣчалъ крестьянскій мальчикъ. — Тоже, если самъ

не сѣялъ, не пахалъ, надо заработать на хлѣбъ, такъ ищи работы... А не будетъ работы, такъ и скажешь: что за городъ — и калача купить не на что!

Водовозовъ.

Какъ росъ нашъ Ваня.

Разсказъ матери.

Росъ нашъ Ваня, какъ растутъ многія крестьянскія дѣти. Сперва лежалъ въ лубяномъ коробѣ, который былъ привѣшенъ на палку подлѣ печки; кричалъ почти цѣлый день, и некому было унимать его да и некогда. Потомъ ползалъ по грязной избѣ, взбирался на лавку, падалъ, ушибался, плакалъ. Его высаживали на улицу. Онъ взбирался на завалину, опять падалъ, ушибался и плакалъ. Иногда подходили къ нему: корова, коза, теленокъ; онъ боялся ихъ и кричалъ изо всѣхъ силъ, такъ что слышно было на другомъ концѣ деревни. Какъ онъ уцѣлѣлъ и не упалъ въ колодець; какъ не сгорѣлъ подлѣ печки; какъ не выклевалъ ему глаза гусь какой-нибудь или не забо-

Рисоваль И. Пановъ. Вырѣзаетъ на деревѣ Панцемакеръ, въ Парижѣ.

дала корова; какъ не раздавили на улицѣ возомъ — право, не знаемъ. Богъ сберегъ его намъ.

Крестьянскія дѣти.

Подойдетъ весна красная, потаетъ снѣгъ, побѣгутъ ручьи, потоки, — дѣти скорѣй изъ избы вонъ!.. Они толпою собираются сперва близъ жилья, а потомъ, когда покажется трава и цвѣты, то бѣгаютъ по полю, поютъ и играютъ. Дѣти кличутъ въ пѣсняхъ вешнее солнышко, чтобъ оно поскорѣй обогрѣло землю, породило хлѣба, накормило малютокъ. Прилетятъ пѣвчіе жаворонки; дѣтямъ напекутъ изъ тѣста жаворонковъ, съ которыми они снова уходятъ изъ дому, снова собираются въ кучки для игръ и пѣсней. Все, что они дѣлаютъ, то дѣлаютъ съ пѣснями. Одно у нихъ пока дѣло — игры. Крестьянскія дѣти играютъ дружно, по правдѣ. Вотъ и верба побѣлѣла шишками; нарѣжутъ ее, когда придетъ Вербное, праздникъ воскресенья; пойдутъ дѣти со старшими въ церковь, къ заутрени; тамъ стоятъ

съ вербой, со свѣчой. Теперь верба посвя-
тилась, изъ церкви нужно ее Богу: воткнуть
за образъ; а дѣти бьютъ вербой тѣхъ, кто
проспалъ заутреню и поютъ: „Пришла вер-
ба изъ-за моря, принесла верба здоровья“.
А тутъ ужъ и Святая: пора катать красныя
яйца, биться ими ва выигрышъ — у кого
крѣпче битокъ; качаться на качеляхъ, гу-
лять и бѣгать по полямъ. Дѣти поютъ: „Дай
же намъ, Боже, рожь колосистую, ячмень
усатый“. Листъ уже совсѣмъ распустился на
деревьяхъ. Вотъ и Троица. Наломаны мо-
лодые березки, дома, по сѣнямъ, на дворѣ—
словно роща, березки и въ церкви, трава по
полу. Дѣти вяжутъ пучки, зелень съ цвѣтами
и переглядываются, у кого краше пучечекъ.
Теперь ужъ вездѣ подсохло; можно и въ
рощу. А тамъ кукушка кукуетъ. Дѣти поютъ и
кличутъ кукушку: „Ты, кукушка, ряба, ты кому
же кума? Покумимся, кумушка, покумимся, го-
лубушка, чтобъ жить любовно, жить не бра-
ниться“. Цѣлуются сквозь вѣтки, кумятся.

Безсоновъ.

Крестьянскія дѣти.

Ухъ, жарко!.. до полдня грибы собирали.
Вотъ изъ лѣсу вышли — навстрѣчу какъ
разъ
Синѣющей лентой, извилистой, длинной
Рѣка луговая; спрыгнули гурьбой,
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной,
Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной.
Рѣка огласилась и смѣхомъ и воемъ:
Тутъ драка—не драка, игра—не игра...
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки: обѣдать пора!
Вернулись. У каждого полно лукошко;
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко,
И видѣли волка... у, страшный какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ и козявокъ,
Карнѣй молочко ему отдалъ свое—
Не пьеть! отступились...
Кто ловить пѣявокъ
На лавѣ, гдѣ matka колотитъ бѣлье,
Кто нянчить сестренку, двухлѣтнюю
Глашку,

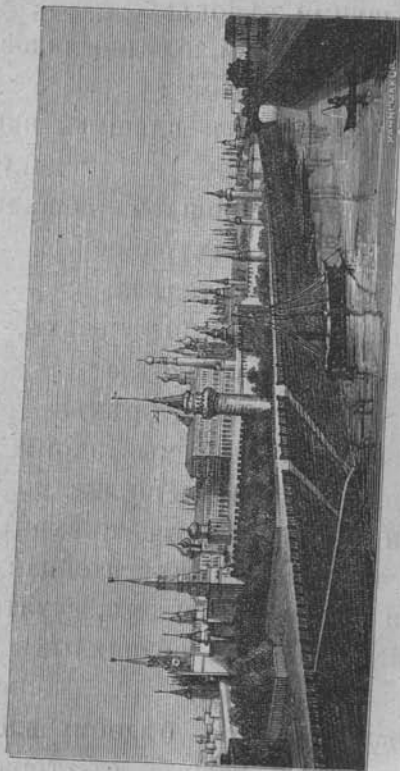

Рисоваль И. Ивановъ. Вырѣзаетъ на деревѣ Панномакеръ, въ Парижѣ.

Кто тащить на пожню ведро кваску;
 Та въ лужу забилась, а эта съ обновой,—
 Сплела себѣ славный вѣнокъ:
 Все бѣленькій, желтенькій, блѣдно-лиловый
 Да изрѣдка красный цвѣтокъ;
 Тѣ спать на припекѣ, тѣ пляшутъ впри-
 сядку;

Вотъ дѣвочка ловить лукошкомъ лошадку;
 Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
 Грибная пора отойти не успѣла,
 Глади — ужъ чернехоньки губы у всѣхъ,
 Набили оскому: черница поспѣла!
 А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
 Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
 Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
 Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
 Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
 Зайченокъ ли вскочитъ — содомъ, суматоха!
 Вотъ старый глухарь съ облялялымъ кры-
 ломъ
 Въ кусту завозился... Ну, бѣдному плохо!
 Живого въ деревню тащатъ съ торжест-
 вомъ...

Некрасовъ.

Рисунокъ исполненъ Панчмакеромъ, въ Парижѣ.

Московский Кремль.

Тамъ, гдѣ боръ дремучій, дикій | Вѣлокаменный, великій
 Пѣнь отшельника внимать — | Выросъ кремль и засіялъ.

100000
 709980

С. БИБЛИОТЕКА
 ПО НАРОДНОМУ
 ОБРАЗОВАНИЮ

Москва.

Старинѣ святой невольно
 Поклоняется душа.
 Ахъ, Москва родная, больно
 Ты мила и хороша!

Жадовская.

Москва.

Кто изъ русскихъ не знаетъ Москвы? Всѣ мы называемъ ее матушкой-Москвой, бѣлокаменной.

Больше семисотъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ ее построили, и съ тѣхъ поръ она все росла и расширялась.

Теперь, чтобы объѣздить Москву съ ея многочисленными улицами и переулками, нужно нѣсколько дней.

Въ Москвѣ много древнихъ церквей. Главная святыня Москвы — кремль: въ его стѣнахъ хранится все дорогое русскому сердцу.

Московский кремль стоитъ на высококомъ холмѣ. Кремль обнесенъ высокой зубчатой

стѣной. На стѣнахъ много красивыхъ башенъ. Пять изъ нихъ служатъ воротами въ кремль. Въ кремлѣ много соборовъ, для всѣхъ соборовъ одна высокая Ивановская колокольня, подъ золоченымъ куполомъ и съ золоченымъ крестомъ. Она выше всѣхъ кремлевскихъ зданій: въ ней тридцать-восемь сажень.

Въ кремлѣ находится Архангельскій соборъ, гдѣ покоятся всѣ московскіе цари и князья. Противъ Архангельскаго стоитъ Успенскій соборъ. Въ этомъ соборѣ всѣ русскіе государи съ давнихъ временъ коронуются на царство.

Успенскій соборъ въ Москвѣ.

Въ кремлѣ находятся терема — древній дворецъ царя Алексѣя Михайловича. Здѣсь посѣтитель видитъ, какъ скромно жили въ старину наши цари, какъ засѣдали въ думной палатѣ, видитъ сѣни темныя и переходы, по коимъ невидимо проходили въ церковь царицы и царевны.

Среди памятниковъ дорогой старины предъ посѣтителемъ кремля красуются два дворца: одинъ, поражающій своимъ величіемъ, — большой кремлевскій дворецъ, съ знаменитымъ Краснымъ крыльцомъ, по ступенямъ котораго шествуютъ наши государи при большихъ выходахъ въ соборы; другой — дворецъ скромный, похожій скорѣе на частный домъ — колыбель Царя-Освободителя.

Много монастырей и святыхъ храмовъ стоятъ въ Москвѣ, напоминая великія событія русской исторіи. Новѣйшій изъ нихъ храмъ Христа Спасителя, построенный императорами Николаемъ I и Александромъ II и, наконецъ, освященный покойнымъ императоромъ Александромъ Александровичемъ III въ память избавленія Россіи отъ нашествія Наполеона въ 1812 году.

Въ окрестностяхъ Москвы есть нѣсколько богатыхъ монастырей. Древнѣйшій изъ нихъ— Даниловъ монастырь.

Откуда взялось слово „городъ“.

Теперь-то въ городахъ хорошо: дома большіе, каменные; улицы широкія, мощенныя. Въ старину же города были не лучше иного теперешняго села: избы строились деревянныя, маленькія; при избахъ были сады и огороды; улицы—грязныя. Впрочемъ, и тогда города отличались отъ деревень: въ городахъ жили начальники, купцы и ремесленники. Главная же разница состояла въ томъ, что вокругъ города устраивалась ограда или крѣпость. *Огораживались* города для того, чтобы въ нихъ труднѣе было попасть вра-

гамъ. Бывало, какъ затѣется война, то всѣ жители, что жили около города, захватывали хлѣбъ и пожитки и убѣгали въ крѣпость. Здѣсь уже ихъ забрать было нелегко. Крѣпости дѣлались изъ бревенъ въ родѣ заборовъ; кругомъ крѣпости вырывалась глубокая канава, или ровъ. Землю изъ рва клали около ограды; кругомъ города являлась полоса земли. Эта насыпь называлась городскимъ валомъ.

Городъ и деревня.

Городъ не то, что деревня: въ деревнѣ улицы не мощенныя, а въ городѣ вымощены камнемъ, по сторонамъ улицы — тротуары съ фонарями. Фонари освѣщаютъ улицу во время безлунной ночи.

Въ деревнѣ дома маленькіе, низенькіе, некрашенные, крытые большею частью соломой. Въ городѣ же дома большіе, каменные или деревянные, большею частью крашенные; крыши желѣзныя или деревянные выкрашенныя. Дворы отъ улицъ и сосѣднихъ домовъ отдѣляются заборами, а не

плетнемъ, какъ въ деревнѣ. Въ городѣ нѣтъ ни гуменъ, ни овиновъ. На большихъ улицахъ въ городѣ помѣщаются лавки или магазины, площади и рынки; въ нѣкоторыхъ городахъ красуются бульвары, общественные сады. Въ большихъ городахъ много учебныхъ заведеній, есть театры, много фабрикъ и заводовъ. Въ деревняхъ нѣтъ даже церкви, а въ селѣ есть только одна; въ городѣ же много церквей приходскихъ и есть соборная церковь.

Храмъ Христа Спасителя, въ Москвѣ.

Откуда произошли названія нашихъ городовъ.

Въ названіи города чаще всего встрѣчается указаніе на мѣстность, на какой построенъ городъ: ровная ли она, холмистая, покатая. Такъ, Ровно (въ Волынской губерніи) названъ такъ потому, что лежитъ на ровномъ мѣстѣ. Холмогоры, Горки, Горбатовъ лежатъ на возвышенностяхъ (холмъ, горбъ). Много городовъ построено вблизи горъ, но въ названіяхъ ихъ есть большая разница. Одни устроители города обратили вниманіе на одно, другіе на другое,—оттого и произошла разница въ названіяхъ городовъ. Вѣлгородъ названъ такъ потому, что лежитъ среди группы мѣловыхъ горъ, имѣющихъ, какъ извѣстно, бѣлый цвѣтъ.

Городовъ съ именемъ, происходящимъ отъ рѣки, очень много. Курскъ—отъ Курь. Орель — при Орликѣ. Не мало есть также названій городовъ, напоминающихъ о близости лѣса, которыхъ, въ старину на Руси было очень много. Таково происхожденіе

именъ слѣдующихъ городовъ: *Березовъ*, *Брестъ* (отъ берестъ, береста); *Боровичи* (отъ боръ, сосновый лѣсъ); *Залѣсскій* получилъ названіе отъ непроходимыхъ лѣсовъ; *Красноборскъ* — отъ красного, красиваго бора.

Далѣе есть города съ названіями, указывающими на болотистую мѣстность. *Грязовецъ* названъ отъ топей и болота, окружающихъ его съ трехъ сторонъ. По занятіямъ или правамъ жителей названы города: *Кузнецкъ* (кузница, коваль), *Рязань*, *Буйинскъ* (отъ буйнаго права жителей.)

Многіе города носятъ названіе въ честь лица, которому принадлежало мѣсто, гдѣ построенъ городъ, или которымъ чѣмъ-либо прославилось. Наконецъ, иногда города назывались въ честь государя, при которомъ былъ основанъ городъ. Назовемъ для образца: *Александрія* (Херсонской губерніи) названа въ честь императора Александра I. Дальше: *Борисовъ*, *Ярославль*, *Владиміръ*, *Елисаветградъ*, *Николаевъ*, *Петербургъ*, названные въ честь великихъ князей, царей и цариць.

На Волгѣ.

Выйдешь на берегъ покатый
Къ русской великой рѣкѣ,
Свищетъ куликъ вороватый,
Тысячи лапъ на пескѣ.

* * *

Барку ведутъ бечевою.
Чу, бурлаковъ голоса!
Ровная гладь за рѣкою,
Нивы, покосы, лѣса...

Волга и Вазуза.

Сказка.

Волга и Вазуза долго спорили, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе бѣльшаго почета. Спорили-Спорили, другъ друга не переспорили и рѣшились вотъ на какое дѣло. Давай ляжемъ спать, а кто прежде вста-

нетъ и скорѣе придетъ къ морю, та изъ насъ умнѣе и сильнѣе и почету достойнѣе.

Встала ночью Вазуза, потихоньку убѣжала отъ Волги; выбрала себѣ дорогу и прямѣе и ближе и потекла.

Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; догнала Вазузу, да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшею сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море.

А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна.

Отечество.

Царство русское велико: отъ одного края до другого въ ширину безъ малаго двѣ тысячи - пятьсотъ верстъ, а въ длину болѣе двѣнадцати тысячъ верстъ. Она занимаетъ седьмую часть суши всего земного шара.

Народъ живетъ въ Россіи болѣе русскій, православный; а есть, кромѣ того, много другихъ народовъ, которые говорятъ не русскимъ языкомъ и исповѣдуютъ другія вѣры. Такъ, на примѣръ, есть христіане неправо-

славные: поляки, армяне, грузины, нѣмцы, латыши и проч. Есть мусульманскіе народы татары, башкиры и проч. и много сибирскихъ и кавказскихъ племенъ.

Всѣ эти народы составляютъ одну русскую землю. Всѣхъ ихъ бережетъ царь русскій, и всѣ подданные русскаго царя стоятъ другъ за друга, за землю свою и за своего государя, какъ односельчане стоятъ за избу свою, за добро свое, за себя и за старшаго въ семьѣ отца или дѣда. Поколѣ всѣ дружно стоятъ заодно, никто ихъ не осилитъ, не обидитъ.

Русь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ,
Вижу, даль степей
Зеленѣется,
И на граняхъ ихъ
Выше темныхъ тучъ
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.
Посмотрю на югъ —
Нивы зрѣлыя,
Что камышь густой,
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.
Гляну къ сѣверу—
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;
Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходить по морю.
Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Никитинъ.

Между взрослыми и дѣтьми.

Юные герои Севастополя.

Извѣстно всѣмъ, что съ самаго начала осады Севастополя и до конца моряки были образцами храбрости и смѣливости. Своимъ присутствіемъ и примѣромъ они придавали храбрости и другимъ солдатамъ. „Постоимъ до послѣдняго“, сказали моряки—и исполнили это обѣщаніе. Даже дѣти и жены матросскія принимали участіе въ защитѣ ихъ родного города. Ребятишки помогали отцамъ при пушкахъ: подавали ядра, собирали ихъ, а нѣкоторые, постарше, приглядѣвши, какъ отецъ справляется съ пушкой, заступали его мѣсто, когда его убивало непріятельское ядро.

И отличные выходили изъ нихъ комендоры (то-есть, главные при пушкахъ: камендоръ прицѣливается изъ нея и вообще всѣмъ распоряжается). Въ самомъ нача-

лѣ осады Севастополя, на бастіонѣ № 4 явился сынъ матроса, Кузьма Горбаньевъ, и сталъ проситься на службу при пушкахъ.

„Ну, куда тебѣ на бастіонъ, — говорилъ командиръ, глядя на мальчика лѣтъ 14-ти: — другимъ только мѣшать будешь!“
— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, вотъ

увидишь, какъ я буду служить... Мы съ малолѣтства возлѣ пушекъ-то, — ну и пріобыкли къ нимъ.

„Ну, а если тебя убьютъ или изувѣчатъ?.. Развѣ ты не боишься?“

— Богъ милостивъ, ваше благородіе, можетъ и не убьютъ, — такъ на то Божья воля.

„Ну, ладно! Молодецъ ты, я вижу!“

И Кузьма Горбаньевъ былъ принятъ въ число артиллерійской прислуги; онъ оказался очень расторопнымъ и храбрымъ малымъ. Горбаньевъ былъ раненъ и послѣ перевязки, вмѣсто того, чтобъ оставаться въ больницѣ, пошелъ на бастіонъ помогать морякамъ.

Другой храбрець, 12-лѣтній сынъ матроса, Максимъ Рыбалченко, съ цѣлой ватагой ребятшекъ искалъ и собиралъ непріятельскія ядра, валявшіяся въ оврагахъ и на поляхъ и приносилъ ихъ на бастіонъ Корнилова.

Онъ такъ же, какъ и Горбаньевъ, былъ въ послѣдствіи принятъ на бастіонъ на службу и усердно исполнялъ свою опасную должность. Оба они награждены медалями на Георгіевской лентѣ.

Но были войны и моложе. На № 1 бастионѣ служилъ долгое время шестилѣтній мальчикъ и почти до конца осады не былъ раненъ; а на № 5 бастионѣ десятилѣтній Николай Пищенко лихо прислуживалъ своему отцу-комендору. Когда отецъ былъ убитъ, Николай Пищенко самъ сдѣлался камендоромъ и очень мѣтко стрѣлялъ изъ пушекъ-мортиръ. Онъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

Много народа было убито; еще того больше ранено. Раненыхъ переносили въ городъ, въ больницу и другіе дома, гдѣ имъ дѣлали перевязки, отрѣзали раздробленныя руки и ноги, вынимали засѣдавшія въ тѣлѣ пули и осколки ядеръ. Докторамъ помогали „сестры милосердія“, добровольно пошедшія облегчать страданія воиновъ. Онъ усердно ухаживали за ранеными: перевязывали раны, перемѣняли повязки, укрывали, давали пить и ѣсть. Солдаты ихъ очень уважали, любили за ихъ доброту и готовность во всякое время притти на помощь.

Первая „сестра милосердія“ была дѣву-

шка Даша, сирота, дочь матроса. Жила она въ такъ называемой Сухой балкѣ (часть города Севастополя), въ ветхомъ домикѣ, доставшемся ей отъ родителей. Это было единственное ея богатство.

Когда приплылъ и высадился непріятель, и русская кровь полилась рѣкою, Даша продала свою избушку и все, что имѣла, а на вырученныя деньги купила худенькую татарскую лошадку, разныхъ тряпочекъ, ветошекъ щипаныхъ, или корпій и нагрнула все это на свою лошаденку.

Въ день первый битвы (Альминской) Даша въ кустикахъ устроила кое-какъ больницу или перевязочный пунктъ и усердно принялась за святое дѣло помощи раненымъ.

Трудно было непріятелю одолѣть насъ при такой готовности помогать другъ другу. И правда, не скоро одолѣлъ онъ насъ: безъ малаго голъ стояли русскіе, защищая ужъ не бастионы, а груды камней и земли.

Арсевьевъ.

Маленькій гарлемскій герой.

Много лѣтъ тому назадъ жилъ въ Гарлемѣ мальчикъ съ золотистыми волосами и чудеснымъ характеромъ. Отецъ его былъ шлюзникъ, т. е. онъ открывалъ и закрывалъ шлюзы, устроенные въ одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга при устьѣ каналовъ, для равномернаго впуска въ нихъ воды.

Въ Голландіи даже маленькимъ дѣтямъ извѣстно, что только бдительный надзоръ и самая точная аккуратность въ наблюденіи не позволяютъ водамъ океана и рѣкамъ заливать страну, и что малѣйшая оплошность или небрежность со стороны шлюзника можетъ повлечь за собою общую гибель.

Въ одно прекрасное осеннее утро нашъ восьмилѣтній мальчикъ получилъ отъ своихъ родителей позволеніе отнести кое-что съѣстное къ одному бѣдному слѣпому, жившему за городомъ, за плотинами.

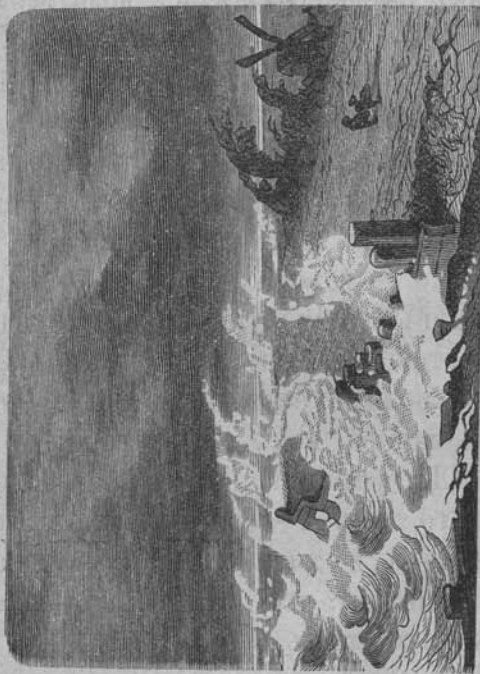
Ребенокъ отправился очень веселый. Онъ

пробылъ съ часъ у своего пріятеля и затѣмъ пустился въ обратный путь. Проходя вдоль канала, мальчикъ обратилъ вниманіе на то, какъ высоко поднялась вода вслѣдствіе осеннихъ дождей. Но онъ успокоился при мысли о шлюзахъ, ввѣренныхъ его отцу.

Онъ продолжалъ свой путь, весело напѣвая одну изъ любимыхъ своихъ пѣсенъ. Потомъ пересталъ пѣть и задумался.

„Однакоже, — говорилъ онъ себѣ, — что случилось бы съ моимъ отцомъ и матерью и со всею этою зеленью на лугахъ и съ жатвою на поляхъ, если бы шлюзы прорвались отъ напора воды... О, это было бы ужасно!.. Да, ужасно!.. Но папа сильнѣе водъ, оттого такъ и сердиты волны. Если онѣ гнѣваются и хлещутъ о шлюзы, такъ это только потому, что папа не позволяетъ имъ проходить сквозь шлюзы“.

Вдругъ выраженіе его лица измѣнилось. Шумъ воды, падавшей капля за каплей, заставилъ его вздрогнуть. Что могло быть причиною такого шума?

«Если волны гнѣваются и хлещутъ о шлюзы, такъ это только потому, что папа не позволяетъ имъ проходить сквозь шлюзы.»

Широко раскрывъ глазенки, мальчикъ сталъ пытливо осматривать плотину на всемъ ея протяженіи и замѣтилъ въ одной изъ толстыхъ досокъ маленькое отверстіе, сквозь которое просачивалась вода. Всякій ребенокъ въ Голландіи дрожитъ при мысли о трещинѣ въ плотинѣ. Сынъ шлюзника тотчасъ же понялъ опасность. Онъ тотчасъ же сообразилъ, что если дозволить водѣ просачиваться сквозь это незначительное отверстіе, то она скоро расширитъ его и произведетъ страшное наводненіе.

Съ быстрою молніи ребенскъ сообразилъ, что ему слѣдовало сдѣлать. Онъ влѣзъ на верхъ шлюза, сѣлъ на него и воткнулъ свой маленькій палецъ въ отверстіе. Это средство оказалось достаточнымъ: просачиваніе остановилось.

„А!—думалъ онъ, смѣясь чисто дѣтскимъ смѣхомъ,—пусть вода сердится сколько ей угодно, но на ту сторону ей не попасть! Пока я тутъ — наводненія не будетъ.“

Пока дѣло шло довольно хорошо; но быстро наступала ночь; воздухъ наполнялся

ледяными парами. Нашъ маленькій герой началъ дрожать отъ холода и страха. Онъ сталъ звать и кричать:

„Сюда! сюда!“

Никто не приходилъ. Холодъ усиливался, онѣмѣніе, начавшись съ маленькаго пальца, перешло во всю руку ребенка и потомъ распространилось по всѣму тѣлу. Ребенокъ снова принялся кричать:

„Что же никто неидетъ! Папа, папа, скорѣе! у меня ужъ нѣтъ силъ!“

Онъ звалъ и мать:

„Мама, мама!“

Увы! его мать, какъ хорошая хозяйка, уже старательно заперла всѣ двери и намѣревалась не на шутку выбрать на слѣдующее утро своего сына за то, что онъ безъ ея позволенія остался переночевать у слѣпного Янсена.

Ребенокъ попытался свистнуть, думая, что какой-нибудь гуляющій школьникъ услышитъ этотъ сигналъ; но его зубы стучали такъ сильно, что попытка оказалась безуспѣшной. Тогда онъ сталъ просить

Бога притти къ нему на помощь, рѣшивъ: «Я останусь здѣсь до завтрашняго утра».

Взошла луна. Мальчикъ уже не сидѣлъ верхомъ на плюзѣ, какъ вначалѣ, а лежалъ на немъ, попрежнему не выпуская пальца изъ отверстія. Голова маленькаго мученика свѣсилась внизъ; но онъ не спалъ и отъ времени до времени судорожно теръ лѣвою рукою правую, прикованную къ плитѣ. При малѣйшемъ шумѣ, дѣйствительномъ или мнимомъ, Робертъ быстро поднималъ голову, и тогда мѣсяцъ освѣщаль его блѣдное и омоченное слезами лицо.

Кто пойметъ муки этого долгаго бдѣнія! Кто опишетъ борьбу бодрости и унынія, происходившую въ этомъ маленькомъ геройскомъ сердцѣ въ эту страшную ночь, когда ребенокъ думалъ о теплой постелькѣ, ожидавшей его дома; о своемъ отцѣ, матери, сестрахъ и братьяхъ, безмятежно спавшихъ въ эту минуту! „Если, — такъ разсуждалъ онъ, — я выну палецъ изъ отверстія, воды, которыя теперь развирѣпѣли еще больше за то, что я такъ долго сдерживаю ихъ, —

„Ахъ, господинъ пасторъ, я не даю просачиваться водѣ и уже едва живъ. Попросите притти ко мнѣ на помощь“.

разомъ вырвутся наружу и останются только тогда, когда снесутъ весь городъ. О, да, да! я останусь здѣсь до утра, если не умру до тѣхъ поръ“... А Робертъ понималъ, что можетъ умереть. Что означалъ этотъ страшный шумъ въ ушахъ его? И эта острая боль во всемъ тѣлѣ? Палець его тоже распухъ. Будетъ ли онъ въ состояніи вынуть его, когда пожелаетъ? Какъ бы то ни было, а общее благо требовало, чтобы онъ не оставлялъ своего поста — и онъ не уходилъ.

На разсвѣтѣ священникъ, возвращавшійся домой отъ больного прихожанина, у котораго онъ провелъ ночь, услышалъ глухіе и слабые стоны. Онъ оглядѣлся и увидѣлъ ребенка, который, повидимому, совсѣмъ изнемогъ отъ мученія.

— Бога ради, дитя мое, — крикнулъ онъ, — что ты дѣлаешь здѣсь?

„Ахъ, господинъ пасторъ, я не даю просачиваться водѣ и уже едва живъ. Попросите, пожалуйста, кого-нибудь притти ко мнѣ на помощь. Я не въ силахъ терпѣть болѣе“.

Добрый священникъ самъ взялся за дѣло и съ самаго спѣшнаго: положилъ свой мизинецъ на мѣсто пальца ребенка.

„Ахъ! — сказала бѣдный Робертъ, вытягивая свою отеющую руку, — какъ я радъ“... — и онъ упалъ въ обморокъ.

Добрый священникъ воспользовался своей свободной рукой, намочилъ платокъ и приложилъ къ вискамъ ребенка.

Робертъ скоро открылъ глаза.

— Ну, теперъ, дитя мое, — сказала священникъ, — сдѣлай еще одно усиліе: бѣги въ домъ шлюзника и Расскажи ему, что здѣсь дѣлается.

„Шлюзникъ — мой отецъ, — сказалъ Робертъ, — онъ сейчасъ сюда придетъ“. Какъ только пришелъ отецъ героя — мальчика, то всѣ они вмѣстѣ успѣшили задѣлать отверстие.

Изъ сборника „Между дѣтьми“.

Федоръ Аверьяновъ.

Бутырскаго пѣхотнаго полка денщикъ Федоръ Аверьяновъ во время бомбардированія Севастополя несъ полную миску со щами для своего офицера, у котораго собралось нѣсколько товарищей.

Аверьянову надобно было пройти черезъ большую площадь у корабельной слободки, на которой ложилось такое множество неприятельскихъ зарядовъ, что еще долго послѣ бомбардированія все это пространство было усеяно ядрами и нелопнувшими бомбами и гранатами. Бомбы и ядра падали со всѣхъ сторонъ, но усердный денщикъ устремилъ все вниманіе на миску и только искоса посматривалъ на падавшіе снаряды. Дойдя до землянки, въ которой сидѣли офицеры, онъ тщательно поставилъ щи на лавку, и, перекрестившись, сказалъ:

„Ну, слава Богу, не пролил!“

Народное мужество.

(Изъ писемъ русскаго офицера 17 августа, 1812 г.).

Тысячи крестьянъ, укрываясь въ лѣса и превративъ серпъ и косу въ оружія оборонительныя, отражаютъ злодѣевъ. Даже женщины сражаются...

Сегодня крестьяне Гжатскаго уѣзда, деревни князя Голицына, вытѣснены будучи изъ однихъ засѣкъ, переходили въ другіе сосѣдніе лѣса, черезъ то селеніе, гдѣ была главная квартира. Тутъ перевязывали раненыхъ.

Одинъ 14-ти лѣтній мальчикъ, имѣвшій насквозь прострѣленную ногу, шелъ пѣшкомъ и не жаловался; перевязку вытерпѣлъ онъ съ большимъ мужествомъ. Двѣ молодыя крестьянскія дѣвки ранены были въ руки. Одна бросилась на помощь къ дѣду своему; другая убила древеснымъ сукомъ француза, поранившаго ея мать.

Многіе имѣли прострѣленные шапки, полы и лапти.

Глинка.

Родныя картинки по временамъ года.

З и м а.

Наступили холода. Зимнее солнце свѣтитъ недолго. Скоро заходить и отдаеть землю ночи. Звѣри попрятались въ снѣжныя убѣжища или смѣло блуждаютъ, отыскивая добычи близъ жилища человѣческаго. Жарко топить человѣкъ свою печку. Вся семья держится дома. Скотину загнали по хлѣвамъ и закутамъ.

На улицѣ показались сани. Народъ одѣлся въ теплыя шубы. Наступили работы и промыслы зимніе. Кто припасъ лишнюю лошадь, тотъ въ извозъ ѣдетъ; по дорогамъ потянулись обозы; на проселкѣ троекъ болѣе не видно: показались ѣдущіе гусемъ. Кто остается дома, тотъ больше въ избѣ сидитъ: развѣ въ лѣсъ за дровами или на базарь, а то и въ городъ за чѣмъ-нибудь нужнымъ съѣздить.

Сурова зима, но русскій человѣкъ не боится ея и любитъ зиму.

Зимнее утро.

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась;
 На мутномъ небѣ мгла носилась;
 Луна, какъ блѣдное пятно,
 Сквозь тучи мрачныя желтѣла...
 А нынче — погляди въ окно!
 Подъ голубыми небесами
 Великолѣпными коврами,
 Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
 Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
 И ель сквозъ иней зеленѣетъ,
 И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

А. Пушкинъ.

Зимній день въ деревнѣ.

День зимній коротокъ и не видать какъ
 проходитъ. Въ рукахъ бабъ жужжатъ верев-
 тенца; старый дѣдъ ковыряетъ лапти; му-
 жика-работника днемъ въ избѣ не сыщешь;
 мужицкая работа не въ избѣ.

Когда на дворѣ сдѣлается совершенно
 темно, въ избу возвращаются мужики съ
 работы, лѣзутъ на печь или на полати, гдѣ
 разуваятся, снимаютъ холодную, сырую

обувь и одежду, которую развѣшиваютъ въ
 теплому духу. Изба оживлена. Денщица на-
 крываетъ столъ скатертью, достаетъ изъ вы-
 движного въ столѣ ящика деревянную чашку,
 узорочную солоницу, кладетъ ложки и огром-
 ный укругъ хлѣба. Мужики умываютъ руки и
 садятся за столъ. Когда денщица нальетъ въ
 чашку горячихъ щей, то всѣ, перекрестясь и
 помолясь, принимаются за ужинъ. Отойдетъ
 ужинъ, всѣ встаютъ. Оборотясь къ святымъ
 иконамъ, помолятся и идутъ спать — кто въ
 елѣти, кто на полатахъ, кто на печь.

Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ,
 Вихри снѣжныя крутя:
 То, какъ звѣрь, она завоетъ,
 То заплачетъ, какъ дитя;
 То по бровлѣ обветшалою
 Вдругъ соломой зашумитъ,
 То, какъ путникъ запоздалый,
 Къ намъ въ окошко застучитъ.

А. Пушкинъ.

Рисунокъ И. Пашова. Исполненъ на деревѣ Папешакаротъ.

Зимняя картинка.

Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь...
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая.
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ, бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки Жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ.
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ;
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

Пушкинъ.

Морозъ.

О, какъ мое окно,
Теперь задушено!
Зато, для красоты,
Блестятъ на немъ цвѣты:
Безъ красокъ выписныхъ
Морозъ рисуетъ ихъ.

Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.
Мѣсяца лучами
Божій храмъ облить;
Крестъ подъ облаками,
Какъ свѣча горитъ.
Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло;
Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.
Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

Никитинъ.

Ночь въ лѣсу.

1. Путники рѣшились заночевать въ лѣсу. Лошадей выпрягли и дали имъ овса. Утоптали вокругъ снѣгъ и сдѣлали приваль. Топоровъ оказалось два; работники начали сучья да валежники рубить, костры складывать вокругъ привала и, когда стемнѣло, зажгли ихъ. Потапъ Максимычъ вытащилъ изъ саней большой кожаный мѣшокъ, вынулъ изъ него хлѣба, пироговъ, квашеной капусты и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Хоть не вкусно, да здорово поужинали.

Ночь надвигалась. Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканьемъ лошадей смѣшивались лѣсные голоса.

Завозилась въ вершинѣ сосны векша, проснувшись отъ необычайнаго свѣта; едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье и все дальше и дальше отъ людей и пылавшихъ костровъ.

2. Но вотъ вдали, за версту или больше, послышался вой: ему откликнулся другой, третій вой — все ближе и ближе; смолкъ, и

послышалось ворчанье, стукъ зубовъ... Ни одинъ звукъ не пропадаетъ въ лѣсной тиши.

— Волки! — боязливо прошепталь Потапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Работники давно уже спали крѣпкимъ сномъ.

„А?.. Что?.. — промычалъ, приходя въ себя, Стуколовъ. — Что ты говоришь?“

— Слышишь? Воютъ! — говорилъ смутившійся Потапъ Максимычъ.

„Да, воютъ! — равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ. Экъ ихъ что тутъ! Чуютъ мясо!“

— Бѣда! — шопотомъ промолвилъ Потапъ Максимычъ.

„Какая же бѣда? Никакой бѣды нѣтъ... А вотъ побольше огня надо... Эй, вы, ребята! — крикнулъ онъ работникамъ. — Пронисись! Эка заспались!.. Вали на костры больше!“

Работники встали неохотно и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Потапомъ Максимычемъ навалили громадныя костры. Огонь сталъ было слабѣе, но вотъ заиграли

пламенные языки по хвою, и зарево разлилось по лѣсу пуще прежняго.

„Видимо-невидимо! — говорилъ оторопѣвшій Потапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.“

Звѣрей уже можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами.

— Ничего, — успокоивалъ Стуколовъ, — огонь бы только не переводился. То ли еще бываетъ!

Въ самомъ дѣлѣ, волки никакъ не смѣли близко подойти къ огню, хоть ихъ, голодныхъ, и сильно тянуло къ лошадямъ, а пожалуй и къ людямъ.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ! пугнулъ бы сърыхъ! — молвилъ Стуколовъ.

„Молчи ты! какое тутъ еще ружье! Того и гляди — сожрутъ! — тревожно говорилъ Потапъ Максимычъ“. Глянь-ко, глянь: со всѣхъ сторонъ навалило!.. Ахъ, ты, Господи, Господи!.. Знать бы да вѣдать, ни за что бы не поѣхалъ...

А волки все близятся; было ихъ до пя-

тидесяти, если не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой. Не дальше, какъ въ трехъ саженьяхъ, сидѣли они вокругъ костровъ, щелкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались.

У Потапа Максимыча зубъ на зубъ не попадалъ; вездѣ и всегда безстрашный, онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

3. Безъ малаго часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя; тогда, пожалуй, и костры не помогутъ; да не хватитъ и заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но Стуколовъ—человѣкъ бывалый: не даромъ много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были уже настолько близко, что до любого изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ спутниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы (вѣтви).

— Разъ, два... три! — крикнулъ Стуколовъ—и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ, два, три!—крикнулъ онъ опять, и, выступивъ за костры, путники еще пустились въ стадо по горячей лапѣ.

Завыли волки; но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порснули вдаль, и чрезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ,—молвилъ Стуколовъ, надѣвая тулупъ и укладываясь въ сани. Завернувшись съ головой въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

липы.

Воспоминаніе о родинѣ.

На чужой сторонкѣ
И въ чужой толпѣ,
Родина святая,
Помню о тебѣ!
Здѣсь зимы не знаютъ
Люди никогда:
Все цвѣты да травы
Цѣлые года!
Нѣтъ у насъ цвѣтущихъ
Цѣлый годъ полей,
Но зато гдѣ снѣги
Нашего бѣлѣй!
Бѣлыя поляны.

Весна.

Прошла зима, земля растаяла, зазеленѣли лужайки, трава показалась. Пригрѣло солнышко. Весна землю парить. Озимы снова взошли и ярко зазеленѣли. Пахарь спѣшитъ въ поле готовить ниву для ярового посѣва: овса, ячменя, пшеницы. Прилетаютъ ласточки. Народъ отпускаетъ на волю птицъ. Овецъ постригли. Около избъ расхаживаетъ дворовая птица. Гуси и утки идутъ на рѣчку. Пчела загудѣла въ садахъ, на лугахъ и въ роцѣ. Соловей запѣлъ свою дѣсню. Запѣлъ и человекъ: отъ Благовѣщенія до Вознесенія въ праздники въ хоровахъ поются веснянки.

На рѣкахъ во всемъ ходу рыбная ловля.

Наступленіе весны.

Ужъ таетъ снѣгъ, бѣгутъ ручьи;
Въ окно повѣяло весною;
Засвищутъ скоро соловьи,
И лѣсъ одѣнется листвою.
Чиста небесная лазурь;
Теплѣй и ярче солнце стало.
Пора мятелей злыхъ и бурь
Опять надолго миновала.

А. Плещеевъ.

Весна.

Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ.
И жду я праздника: вотъ снѣгъ сольется,
Проявятъ травка нѣжнымъ стебломъ свой,

Гдѣ небо ясное и вѣчная весна,
И далеко ль волшебная страна?
И жду я праздника. На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ, и будетъ шумень лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней деревьевъ;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ; и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяцъ томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ,
И соловей до утра пропоетъ.

Н. Огаревъ.

Весенней ночью.

Надъ росистыми лугами
Вѣтерокъ ночной гуляетъ,
Разговоръ ведетъ съ цвѣтами,
Травку тихо колыхаетъ.
Надъ заснувшюю долиной
Звѣзды яркія зажглись,
Звуки пѣсни соловьиной
Изъ-за лѣсу полилися.

А. Плещеевъ.

Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
 Когда весенній первый громъ,
 Какъ бы рѣзвяся и играя,
 Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
 Гремятъ раскаты молодые...
 Вотъ дождикъ брызнулъ; пыль летитъ...
 Повисли перлы дождевые,
 И солнце нивы золотитъ.
 Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
 Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,

И гамъ лѣсной и шумъ нагорный —
 Все вторить весело громамъ.

Тютчевъ.

Весна.

Весна, выставляется первая рама,
 И въ комнату шумъ ворвался,
 И благовѣсть ближняго храма,
 И говоръ народа, и стукъ колеса.
 Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей.
 Вонъ даль голубая видна...
 И хочется въ поле, въ широкое поле,
 Гдѣ, шествуя, сыплеть цвѣтами весна!

А. Майковъ.

Зеленый Шумъ.

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
 Зеленый Шумъ, весенній шумъ!
 Играючи, расходится
 Вдругъ вѣтеръ верховой:
 Качнетъ кусты ольховые,
 Подниметъ пыль цвѣточную,
 Какъ облако: все зелено, —
 И воздухъ и вода!
 Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
 Зеленый Шумъ, веселый шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
Стоять сады вишневые,
Тихохонько шумять;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумять повеселѣлые
Сосновые лѣса;
А рядомъ новой зеленью
Лепечуть пѣсню новую
И липа блѣдно-листая
И бѣлая березонька
Съ зеленою косою!
Шумить тростинка малая,
Шумить высокій клень...
Шумять они по новому,
По новому, весеннему...
Идетъ-гудеть Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Н. Некрасовъ.

М а е в к и.

Боже мой, какъ любили мы, дѣти, весен-
нія прогулки—„маевки“, какъ говорятъ въ
Вѣлоруссіи! Сколько доставляли онѣ намъ
радостей, сколько чистаго, безграничнаго
дѣтскаго счастья!

Сначала—эти веселые сборы: съ сѣно-
вала принесутъ охапку сѣна; въ него то-
ропливо начнутъ заворачивать и укладывать
въ корзины стаканы, чашки, блюдечки, та-
релки, рюмки; въ другую корзину, также
наполненную сѣномъ, тщательно упаковы-
вается самоваръ; третья корзина напол-
няется фунтиками съ изюмомъ, миндалемъ,
сушеными яблоками, грушами, черносливомъ
и прочими домашними лакомствами; тѣмъ
временемъ къ балконному крыльцу, со дво-
ра, подается телѣжка, въ которую уклады-
ваются готовые корзины. Сытый, круглый
гнѣдой Васька нетерпѣливо бьетъ землю
копытомъ, словно и онъ волнуется, пред-
вкушая удовольствіе пощипать молоденькую
травку на лѣсной полянѣ и поваляться на
мягкой муравѣ... Наконецъ, все готово. Тро-
нулись въ путь—разумѣется, пѣшкомъ. Мы,
дѣти, смѣемся, прыгаемъ, радуемся!.. Вы-
шли за городъ, на поле

Гдѣ, шествуя, сыплеть цвѣтами весна...
и затягиваемъ пѣсни; свѣжіе дѣтскіе голоса
соперничаютъ въ чистотѣ и звонкости съ

голосами жаворонковъ, трепещущихъ въ лазури и поющихъ гимны веснѣ, — славному, радостному майскому дню...

А вотъ и лѣсъ, въ свѣжемъ, изумрудномъ, праздничномъ нарядѣ, наполненный звуками тысячи пернатыхъ пѣвцовъ.

Наконецъ, выбрана славная полянка, наполовину залитая солнцемъ, наполовину въ тѣни, косогоромъ сбѣгающая къ лѣсной рѣчкѣ, поросшей ивняками; изъ ивняковъ раздается свѣтлая пѣсня — звонкое щелканье и могучій посвистъ соловья. Живо натаскивается изъ лѣсу сухой хворостъ, разводятся костеръ, раскидываются ковры; распаковываются корзины, наставляется самоваръ — и пошла потѣха: кувырканье по травѣ, прыганье черезъ костеръ, щелканье орѣховъ, бросанье камешками „рикошетовъ“ по водѣ, жмурки, пятнашки, смѣхъ, пѣсни, плясъ — ни карандашомъ не нарисовать ни перомъ не описать.

Д. Кайгородовъ.

Л ѣ т о.

Коротки становятся ночи. Скоро за солнечнымъ закатомъ появляется заря утренняя. Съ зарею пробуждаются и птица, и насѣкомое, и скотина, и человекъ. Все спѣшитъ за дѣло навстрѣчу красному солнышку. До полудня ужъ начинается оно пригрѣвать жарко, а въ полдень сгоняетъ и работника съ поля и скотину съ луговъ. Все спѣшитъ въ тѣнь или ищетъ прохлады въ водахъ рѣчки.

Солнце сушитъ землю день ото дня все болѣе. Если долго нѣтъ дождя, земля раскаляется и даетъ широкія трещины; трава бурѣетъ.

Въ дождикъ крестьянину лѣтомъ отдыхъ. Въ ясные дни кипитъ у него работа.

Деревни пусты. Каждый день приноситъ новую заботу рабочему человекѣ: вилы, соха, коса и грабли поочередно не выходятъ изъ рукъ его.

Около Петрова дня начинается сѣнокосъ. Весь народъ въ лугахъ. Дружными рядами идутъ косцы, бабы граблями шевелятъ сѣно.

Начинаютъ жать.

ЛѢТОМЪ.

Вотъ и лѣто. Жарко, сухо,
Отъ жары нѣтъ мочи.
Зорька сходится съ зарею,
Нѣтъ совѣмъ и ночи.
По лугамъ идутъ работы
Въ утреннія росы;
Только зорюшка займетса,
Звякають ужъ косы.
Поднялось и заиграло
Солнце надъ полями,

Поразсыпалось своими
Жгучими лучами.
По лугамъ съ травы высокой
Росу собираетъ,
И отъ солнечнаго зноя
Поле высыхаетъ...
Вотъ и полдень. Вышли бабы
На поле толпами,
Полувсыохшее сѣно
Ворошатъ граблями.
Растрясаютъ, разбиваютъ,
По лугу ровняютъ,
А на немъ со смѣхомъ дѣти
Вѣгають, играютъ.
Растрясли, разворошили —
Съ плечъ долой забота!
Завтра за полдень другая
Будетъ имъ работа.

Терпѣнье и трудъ все перетрутъ.

Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ. Звали его Иванъ Терпигоревъ. Не даромъ досталось ему это прозвище: онъ и точно много горя вытерпѣлъ на своемъ вѣку. Былъ онъ и смышленный и работающій, да крѣпко не везло ему много лѣтъ сряду. То его полосу градомъ побьетъ, то на скотъ падежь придетъ, то бурнымъ ливнемъ все его сѣно съ дугу подмоетъ и въ рѣку унесетъ.

Бился-бился мужикъ, работалъ за троихъ и чуть только изъ бѣды, казалось, выбился — вдругъ новая напасть! Въ самые Петровки, когда онъ былъ на сѣнокосѣ съ семьей своей, разразилась гроза надъ деревней, ударила въ Терпигореву избу, запалила ее, какъ свѣчку, и, пока сосѣди сбѣжались да свои избы отъ пожара отстайвать стали, Терпигорева изба сгорѣла до тла. Осталась отъ нея только печка съ трубою.

Прибѣжалъ Иванъ съ поля съ женою и съ ребятишками, посмотрѣлъ на свое горе и голову повѣсилъ...

„Теперь я совсѣмъ голъ и съ женою и съ малыми ребятишками, и головы приклонить ни мнѣ ни имъ некуда!..“

Потужили сосѣди съ Иваномъ, повыли, поплакали бабы съ его женою и разошлись по своимъ домамъ, подъ свои крыши, а бѣдному Ивану пришлось въ пустой овинъ съ семьей перебраться. И такое-то взяло его, бѣднаго, горе, что ужъ работа ему и въ умъ нейдетъ, и сонъ ему очей не смыкаетъ...

„Нѣтъ, видно, мнѣ ни въ чемъ ни доли ни удачи не видать, — думалъ онъ. Коли такъ, то и работать не стоитъ. Все равно, работай не работай, придется мнѣ съ малыми ребятишками по міру ходить!“

Въ такихъ думахъ пролежалъ онъ до самаго свѣта. Чуть только утро забрезжилось, видитъ Иванъ надъ самою своею головою большого паука. У него вчерашней грозой всѣ его мерезжки порвало и попутало. И возится паукъ, и работаетъ изъ всей мочи, и тянетъ во всѣ стороны свои тонкія, прозрачныя нити, и прядетъ и сучитъ своими когтистыми лапками, то спускаясь, то вновь

подымаясь вдоль стѣнки овина. Вотъ, кажется, и совсѣмъ бы сѣсть его готова, только бы сѣсть ему царькомъ въ серединѣ да выжидать залетныхъ гостей, — такъ нѣтъ же!.. Дунулъ вѣтерокъ въ щель овина—и опять все сорвалъ и запуталъ! И опять терпѣливый паукъ пошелъ вверхъ и внизъ спускаться и опять онъ пошелъ снова, сучить и пряхть свои нити... И опять та же бѣда, та же неудача! Zalюбовался Иванъ пауковой работой, заглядѣлся на нее, словно въ первый разъ ее видѣлъ. И видѣлъ Иванъ, какъ паукъ двѣнадцать разъ обрывался со своей паутиной и двѣнадцать разъ принимался вновь вязать ее и крѣпить къ потолку и стѣнамъ, пока, наконецъ, устояла паутина противъ напора вѣтра и самъ паукъ забился въ свое гнѣздо на отдыхъ.

„Господи Боже мой, — подумалъ Иванъ, — вѣдь, вотъ, ужъ какая малая тварь, а, вѣдь, какой въ нее разумъ Господь вселилъ, какимъ ее терпѣніемъ надѣлил! Вѣдь, вотъ, бился-бился, двѣнадцать разъ обрывался, а своего добился! Неужто же меня паукъ

разуму учить долженъ? Развѣ даромъ, что ли, люди говорятъ: „терпѣнье да трудъ все перетрутъ!“ И вышелъ онъ на другой день со всѣми людьми на работу и трудился, что есть мочи все лѣто, и далъ Богъ ему урожай на хлѣбъ, какого никогда еще не бывало. Подъ осень люди помогли ему кое-какую избенку сколотить. А Иванъ не унывалъ и работать не уставалъ; на зиму на печь не завалился, а вдаль отъ семьи на заработки ушелъ. Къ веснѣ пришелъ и денегъ принесъ. Скоро Иванъ опять хозяйствомъ поправился и не хуже другихъ помогать сталъ. Сынъ его, подростокъ, помогаетъ уже ему въ полѣ, или сторожить въ огородѣ.

Ж а т в а.

Вѣтеръ не шелохнетъ;
Въ воздухѣ жара...
Въ полѣ наступила
Страдная пора.

По полямъ далеко—
Края не видать—
Золотомъ сіяетъ
Божья благодать.

Жаркими лучами,
Солнце, не тревожь,
И не жги бѣдняжку
Золотую рожь.

Не тревожь, не жги ты,
Лучше пожалѣй:
Погостить придется
Здѣсь недолго ей.

Вонъ, вдали сверкаютъ
Свѣтлые серпы...
Срѣжутъ рожь и свяжутъ
Въ полные снопы.

Свяжутъ золотую,
Отвезутъ съ полей...
А ужъ тамъ плохая
Жизнь наступитъ ей.

Ночь на жнитвѣ.

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жницы... Ужъ умолкъ
Вдали и плачь и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.

Ушелъ рабочій караванъ...
И тишина легла въ поляхъ!
Какъ безконечный ратный станъ
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ.

Лѣтомъ въ деревнѣ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Мы лѣто прожили въ деревнѣ. Хороша была эта деревня! Стояла она на горѣ, а внизу, подь горой, рѣчка бѣжала. Рѣчка была не важная, такъ немного шире ручья, но красивая такая, извилистая, по берегамъ сплошь поросшая кустарникомъ и яркоголубыми незабудками.

Мы, дѣти, любили эту рѣчку; особенно одно мѣсто ея, то, гдѣ она прилегала къ лѣсу. Тутъ было такъ уютно и укромно. Кусты такъ пышно раскинулись надъ самой водой, будто нарочно устроили навѣсъ надъ мѣстомъ нашего купанья.

Лѣсъ былъ большой, славный мѣшанный лѣсъ, съ извилистой тропинкой посрединѣ. Мягкая травка ярко зеленѣла у подножія старыхъ деревьевъ, высоко раскинувшихъ свою густую листву. Пестрѣлъ въ травѣ цвѣтокъ. Не мало ягодъ и грибовъ таилось тутъ.

За деревней шли поля, засѣянные хлѣбомъ. Тутъ колыхалась и рожь-кормилица,

среди гибкихъ стеблей которой мелькали синіе васильки, и ячмень усатый, и овесъ нарядный, и пшеница нѣжная, и гречиха бѣлорозовая, на медовый запахъ которой слетались пчелки-работницы.

Хорошо въ деревнѣ! Съ утра до вечера все-то ты наслаждаешься, особенно, если лѣто выдастся хорошее. Встанешь рано, до солнечнаго восхода. Выйдешь изъ дому. Господи, что за благодать! Свѣжеватое еще. Тишь кругомъ. Небо ясное съ яркочерной полосой на востокъ. Предутренній вѣтерокъ травкой играетъ, а на травѣ и цвѣтахъ дрожить крупная роса. Птицы начинаютъ копошиться въ гнѣздахъ. Все ярче загорается заря на востокъ; легкія облачка вдругъ откуда-то появились на небѣ; зашумѣлъ слегка лѣсъ. Пестрое стадо потянулось по дорогѣ. Вспыхнули розовымъ свѣтомъ легкія облачка, и вдругъ, среди внезапно разливагося золотого свѣта, вынырнуло ясное солнышко, бодрое такое, веселое, будто шаръ золотой безъ лучей. Оглядѣло мѣръ Вожій, приподнялось и вдругъ брызну-

ло золотымъ лучомъ по небу свѣтлолазурному. Зашумѣла вездѣ жизнь, пробудилась вмѣстѣ съ солнышкомъ. Закопошился въ травѣ усатый жукъ; запорхали другъ за другомъ вперегонку бабочки - пеструшки; поднялъ цвѣтокъ свой вѣнчикъ, и голосистый жаворонокъ звенить и кувыркается въ прозрачномъ воздухѣ.

Въ лѣсъ войдешь—тамъ тоже жизнь кипитъ. Цѣлый хоръ птицъ гремитъ въ густой листвѣ; на муравейникахъ бѣготня такая, что просто въ глазахъ рябитъ. Зоркая бѣлка стрѣлой бросилась вверхъ по древесному стволу; проковыляла въ густой травѣ земляная мышъ. А воздухъ-то какой? такъ бы, кажется, и дышалъ имъ, не надышался! А купанье-то въ жаркую пору что было за наслажденіе? А сборъ грибовъ и ягодъ? А уборка сѣна вмѣстѣ съ крестьянами? Да и не перечтешь всѣхъ деревенскихъ забавъ! Любили мы тоже забѣгать въ избы и болтать съ крестьянами объ ихъ житьѣ-бытьѣ.

Изъ „Дѣтскаго Читенія“.

О с е н ь .

Осень — пора плодовъ. Теперь вознаграждается трудъ земледѣльца и садовника. Теперь работникъ краснѣетъ, а хозяинъ блѣднѣетъ, какъ говорить пословица.

Осень—матка: кисель да блины; въ осень и у вороны копна.

Чаще и чаще скрывается ясное солнышко. Оно грѣетъ все слабѣе и слабѣе; поздно встаетъ и садится рано. Пожелтѣла трава, облетѣли листья съ деревьевъ и кустовъ. Холодные туманы подолгу лежатъ на лугахъ, рѣкахъ и моряхъ.

Полили дожди. Дороги испортились: въ иномъ мѣстѣ и вовсе не пройдешь. Всякій деревенскій житель держится дома и ждетъ первыхъ морозовъ и перваго снѣжнаго пути.

Въ школахъ давно началось ученье. И въ деревняхъ съ Покрова дѣти сѣли за книжки.

Всякой порѣ года — свое дѣло.

О с е н ь .

Осень! обсыпается
Весь нашъ бѣдный садъ;

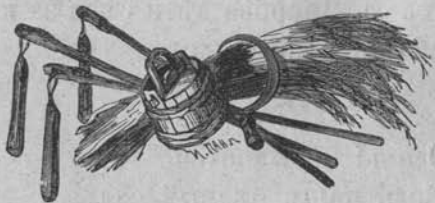
Листья пожелтѣлые
По вѣтру летятъ.
Лишь вдали красуются
Тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти яркочерныя
Вянущихъ рябинъ.

Гр. А. Толстой.

Веселая пора.

Весело видѣть семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ;
Дорого-любо, красавица нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,
Какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь высока и густа!
Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;
Вторить ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричить: поскорѣй, поскорѣй!

Н. Некрасовъ.

безъ которыхъ намъ пришлось-таки
ждать во всю долгую зиму.
до этого благодарнаго времечка намъ
далеко. Зима только-что наступаетъ.

Скучная картина.

Скучная картина!..
Тучи безъ конца,
Дождикъ такъ и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнетъ подъ окномъ,
Смотритъ деревушка
Сѣренькимъ пятномъ.
Что ты рано въ гости,
Осень, къ намъ пришла?
Еще сердце просить
Свѣта и тепла.

„Летимъ, — щебечуть пташечки, —
Летимъ мы въ теплый край,
Въ ту дальнюю сторонушку,
Гдѣ не житье, а рай!..“

Прощай!..“

— Пойдите, пташечки!

въ немъ веселаго пѣнья пташекъ. Далеко
уже отъ насъ будутъ онѣ въ то время...

Хорошо этимъ пташкамъ въ теплыхъ
странахъ, когда у насъ стоятъ стужи да
мятели. Но пройдутъ зимніе мѣсяцы, загля-
нетъ и къ намъ весна красная, а въ то
время въ этихъ теплыхъ странахъ насту-
пятъ жары, которыя не по сердцу улетѣв-
шимъ туда отъ нашихъ морозовъ птицамъ.

И потянутся онѣ опять въ наши края,
гдѣ у нихъ есть и гнѣздо готовое, гдѣ онѣ
проводили уже не одно лѣто. Съ радостью
встрѣтимъ мы этихъ вѣстниковъ теплыхъ

Кажется, шепчуть колосья другъ другу:
„Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Спѣлыя зерна купая въ пыли.
Насъ что ни ночь разоряютъ станицы
Всеякой пролетной прожорливой птицы;
Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ.
Гдѣ же нашъ пахарь, чего еще ждетъ?“

Некрасовъ.

Осеннее ненастье.

Осень. На дворѣ холодно. Частый дождь
превратилъ улицу въ грязную лужу. Густой
туманъ затянулъ село, и едва виднѣются
ветхія лачуги и обнаженные нивы. Рѣзко

Л е т и м ь!

Смотрю: по небу дальнему
Веселою гурьбой
Несутся пташки малыя,
Толкуются межъ собой.

„Летимъ, — шепечуть пташечки, —
Летимъ мы въ теплый край,
Въ ту дальнюю сторонушку,
Гдѣ не житье, а рай!..“

Прощай!..“

— Пойдите, пташечки!

Кажется, шепчуть колосья другъ другу:
„Скучно намъ слушать осеннюю выюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Спѣлыя зерна купая въ пыли.
Насъ что ни ночь разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы;
Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ.
Гдѣ же нашъ пахарь, чего еще ждетъ?“

Некрасовъ.

Осеннее ненастье.

Осень. На дворѣ холодно. Частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу. Густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются ветхія лачуги и обнаженные нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ ворота и мечетъ по полямъ съ какимъ-то заунывнымъ воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ.

Улица пуста, — ни живой души. Сизый дымокъ, выходя изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуешь, что никого нѣтъ въ разбродѣ, что всѣ хозяева дома и

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли;
Лѣсъ обнажился; поля опустѣли;
Только не сжата полоска одна;
Грустную думу наводитъ она.

расправляютъ на горячей печкѣ продрогшіе члены.

Все живущее прячется, кто куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ тепленькое крылышко; воробей забился въ мягкое гнѣздо свое. Даже неугомонныя шавки и жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ пріютъ, каждому хорошо и тепло.

Григоровичъ.

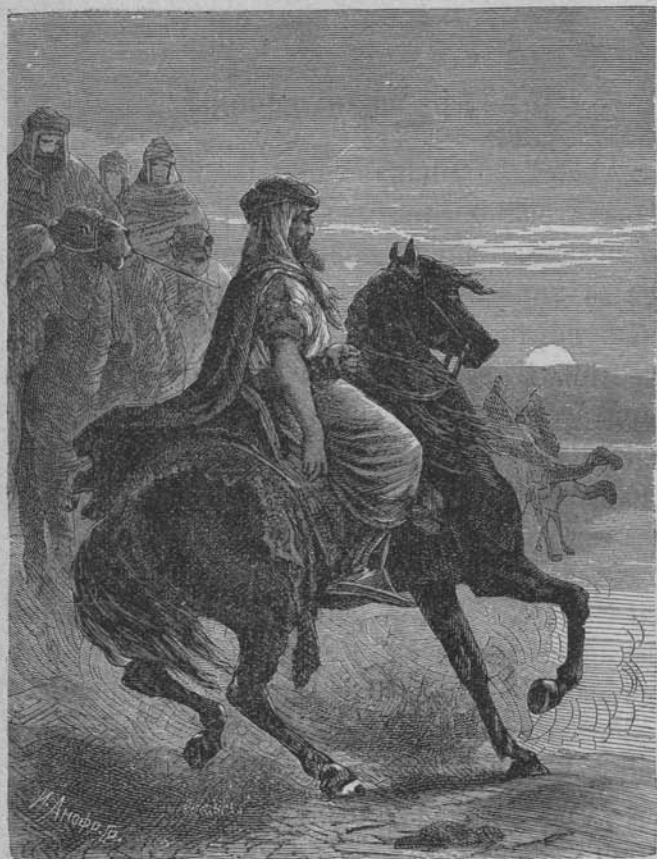
Озимое поле.

Ужъ лѣто прошло — золотая пора,
И мрачная осень стоитъ у двора,
Покрываютъ туманомъ и рѣчка и лѣсъ
И красное солнце не смотритъ съ небесъ;
Но есть намъ отрадушка въ полѣ одномъ:
Раскинулась озимъ зеленымъ ковромъ.
Да если заглянешь въ любое гумно,
Увидишь, что хлѣбомъ душистымъ полно.
Изъ ригъ же и гуменъ столбомъ голубымъ,
Взвиваясь, уходитъ подъ облако дымъ.

Изъ царства животныхъ.

Арабская лошадь.

Арабская лошадь чрезвычайно красива. Она стройно сложена: уши у ней короткія и безпрестанно шевелятся, ноздри широкія, глаза темныя, ласковые, шея крутая и длинная; грудь широкая, ноги длинныя, хвостъ густой. Бѣжить она чрезвычайно быстро и при этомъ чрезвычайно сильна и вынослива. Иногда случается, что арабъ въ продолженіе шести дней сряду ежедневно проѣзжаетъ на своей лошади по 70, 80 и даже по 100 верстѣ. Затѣмъ даетъ ей денька два отдохнуть и ѣдетъ такимъ же образомъ въ обратный путь. Хорошая лошадь несетъ на себѣ не только всадника, но еще оружіе, ковры для отдыха и сна и запасъ пищи для себя и для него. А въ случаѣ нужды бѣжить во весь опоръ цѣлый день безъ пищи и питья. Въ ѣдѣ она неразборчива и умѣренна и при скудной пищѣ можетъ пе-

реносить самую тяжелую работу. Такая лошадь, конечно, ни съ чѣмъ несравнима, и неудивительно, что она составляетъ предметъ гордости своего хозяина.

Онъ смотритъ на коня какъ на вѣрнаго и надежнаго друга. Обращается съ конемъ чрезвычайно ласково и терпѣливо, никогда не только не ударитъ его, но даже не заговоритъ съ нимъ сердито. Въ шатрѣ изъ верблюжьей кожи, гдѣ спитъ арабъ, спитъ и жеребенокъ, котораго онъ воспитываетъ.

Въ день рожденія жеребенка.

Большой праздникъ въ семьѣ араба. Къ нему собрались его родные и друзья, чтобы дать имя новорожденному жеребенку, находящемуся вмѣстѣ съ матерью тутъ же, въ палаткѣ.

Хозяева и гости не налюбуются ими, и во время долгаго восточнаго обѣда разговоръ идетъ, преимущественно, о лошадяхъ. Одинъ изъ гостей сравниваетъ своего коня со страусомъ, по быстротѣ бѣга, и съ газелью, по красотѣ глазъ. Другой воспѣва-

еть своего коня въ стихахъ. Третій рассказываетъ, какъ мать его лошади принесла въ зубахъ въ палатку трупъ его дѣда, убитаго въ бою. Рассказъ смѣняется рассказомъ, и высокія качества лошади являются тутъ въ полномъ блескѣ.

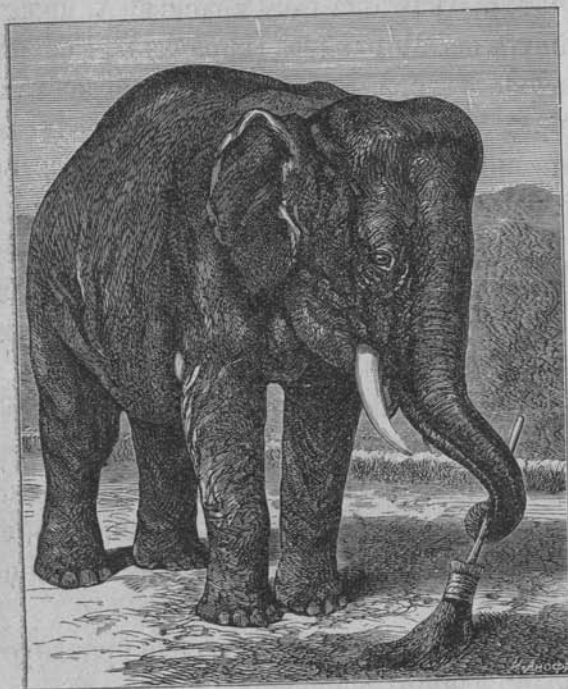
Никто не слушаетъ ихъ такъ внимательно, какъ семилѣтній сынъ хозяина. Глаза его горятъ, счастье написано на его лицѣ. Дѣло въ томъ, что родившійся жеребенокъ отдается ему въ распоряженіе, и онъ мечтаетъ, что и его лошадь заслужитъ когда-нибудь такія же горячія похвалы. Теперь онъ будетъ жить съ нимъ подъ одной кровлей; они будутъ вмѣстѣ играть и рѣзвиться и, утомившись, мальчикъ уснетъ у ногъ жеребенка. Онъ будетъ всегда, всегда самъ кормить и поить его и первый сядетъ на него верхомъ. Я никогда, никогда не закричу сердито на своего друга,—онъ всегда покорится его ласкѣ.

Мальчикъ думаетъ о томъ, какое имя дадутъ его четвероногому другу. Можетъ-быть назовутъ его лошадку „Лули“ (жемчужина

значить). Вѣдь она такъ красива! А, можетъ, назовутъ ее „Мордвяна“ (коралль). „Розхаль“ (газель). Имена выбираются всегда такія, которыя намекаютъ на ихъ красоту или какое-нибудь другое качество. По мѣрѣ того, какъ растетъ жеребенокъ, вырастаетъ и умнѣетъ его хозяинъ. Онъ съ каждымъ днемъ требуетъ отъ нея больше и больше силы, ловкости, выносливости, но зато и кормитъ и холитъ ее усердно.

Къ семи годамъ воспитаніе лошади считается оконченнымъ; она достигла доступнаго ей совершенства. Чтобъ лошадь охотнѣе взяла удила въ первый разъ, хозяинъ обматываетъ ихъ шерстью и смочитъ соленой водой.

Мы видѣли, какъ арабъ весело празднуетъ день рожденія жеребенка; но зато какъ печалится онъ смертью лошади! Онъ горюетъ и плачетъ; все становится ему немило. Все семейство въ глубокомъ горѣ, и въ палаткѣ араба, потерявшаго коня, долго не раздается ни веселаго говора, ни смѣху.

Четвероногий гигантъ.

Слонъ—самое большое сухопутное животное. Этотъ великанъ достигаетъ часто до двухъ сажень въ вышину. Огромное его тѣло вѣситъ то же, что пятьдесятъ человѣкъ.

Подъ тяжелыми шагами слона земля дрожить. Сила слона равняется силѣ пятнадцати лошадей. Въ Индіи слонъ употребляется для переноски разныхъ тяжестей и перевозки на себѣ людей съ ихъ кладью.

Слонъ своимъ хоботомъ беретъ и подаетъ, нюхаетъ и дышитъ, носить тяжести, набираетъ воду и обливается ею.

Хорошо воспитанный слонъ очень уменъ, кротокъ и терпѣливъ.

Слонъ вполне понимаетъ слова своего вожака.

Слонъ—хорошій работникъ: сильный и смысленный. Рано утромъ слонъ ходитъ въ лѣсъ и приноситъ оттуда дрова или плоды для своего хозяина, а также и траву для домашнихъ животныхъ.

Вечеромъ онъ набираетъ воду и поливаетъ ею въ продолженіе часа или двухъ рисовыя поля.

Способность слона къ различнымъ работамъ просто поразительна. Можно подумать, что онъ понимаетъ не только слова, но и мысли своего господина. Это въ особенно-

сти бросается въ глаза, когда слоны участвуютъ въ постройкахъ или въ перетаскиваніи и складываніи матеріала. Изъ цѣлой кучи слонъ, по приказанію хозяина, выбираетъ именно нужное бревно и относитъ его на указанное мѣсто, никогда не дѣлая ошибки.

Слонъ-убійца.

У одного индѣйца былъ слонъ. Хозяинъ дурно кормилъ его и заставлялъ много работать. Одинъ разъ слонъ разсердился и наступилъ ногою на своего хозяина. Индѣецъ умеръ. Тогда жена индѣйца заплакала, принесла своихъ дѣтей къ слону и бросила ихъ слону подъ ноги.

Она сказала:

— Слонъ! ты убилъ отца, убей и ихъ.

Слонъ посмотрѣлъ на дѣтей, взялъ хоботомъ одного мальчика, потихоньку поднялъ и посадилъ его себѣ на шею. И съ этихъ поръ онъ сталъ слушаться этого мальчика и работать для него.

Гр. Толстой.

Слонъ и моська.

Басня.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно на показъ;

Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,
Такъ за сломомъ толпы зѣвакъ ходили.
Откуда ни возьмись навстрѣчу моська имъ;
Увидѣвши слона, ну на него метаться,

И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.

„Сосѣдка, перестань срамиться!“

Ей шавка говорить: „тебѣ ль съ сломомъ
возиться?“

Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
впередъ

И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“.

— Эхъ, эхъ,—ей моська отвѣчаетъ:—

Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,

Что я, совсѣмъ безъ драки,

Могу попасть въ большіе забіяки.

Пускай же говорятъ собаки:

„Ай моська! знать она сильна,

Что лаеъ на слона!“

Крыловъ.

Значеніе домашнихъ животныхъ.

По всему земному шару, на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ, у дикаря и образованнаго человѣка, вездѣ и у всѣхъ вы встрѣтите какое-нибудь домашнее животное, то-есть такое, которое постоянно подлѣ насъ, намъ принадлежитъ и, навѣрное, можетъ намъ принести пользу или удовольствіе. Суровый сѣверный климатъ даетъ своимъ обитателямъ сѣвернаго оленя и собаку—эскимосовъ и камчадаловъ. У жаркаго климата есть верблюдъ, осель, лошадь, буйволъ, слонъ. Нашъ умѣренный поясъ особенно богатъ домашними животными: коровы, козы, гуси, куры, собаки, кошки, свиньи, лошади,—вотъ чѣмъ можемъ мы похвалиться. Почти каждый предметъ въ нашей жизни, пріятный или полезный, доставляется намъ домашнимъ животнымъ. Сѣверный олень даетъ жилище, корова — пищу и обувь, овца — одежду и прочее.

Получая отъ домашнихъ животныхъ без-

численное множество предметовъ, надо умѣть ихъ сохранить. Кто же будетъ нашимъ сторожемъ? Опять-таки домашнее животное—собака. Подчасъ невзрачная, тщедушная дворняжка жертвуетъ жизнью, чтобы только сохранить имущество своего господина—человѣка. Но часто, кромѣ человѣка, похитителями хозяйскаго добра бываютъ четвероногія существа; и тутъ опять-таки выручаютъ собака и кошка. Наши пастушьи собаки бѣшено бросаются на сѣраго хищника — волка, захотѣвшаго полакомиться овцой, и почти всегда сѣрый хищникъ, послѣ собачьей трепки, отправляется со стыдомъ домой починять дыры въ своей шубѣ. А маленькіе сѣрые грызуны, крысы и мыши, истребители всего, что только есть въ домѣ, начиная съ книгъ и кончая свѣчнымъ огаркомъ,—куда дѣвается ихъ дерзость, если въ домѣ есть кошка! По цѣлымъ часамъ сторожить она норки зубастыхъ грабителей, и стоитъ только показаться наружу кончику хвоста или носа грызуна, какъ звѣрекъ уже въ лапахъ кошки.

Мы стараемся „для нашей пользы“ разводить хлѣбныя растенія. Кто же помогаетъ воздѣлывать пашни? Кто тащитъ плугъ и борону? Опять-таки лошадь и быкъ. На волахъ наши чумаки возятъ соль, вола же впрягаютъ въ плуги для обработки пашенъ. Волъ очень удобенъ для такихъ работъ, при которыхъ не требуется скорой ѣзды.

Больше всѣхъ пригодною остается все-таки лошадь. Она ходитъ въ упряжи, совершенно пригодна для верховой ѣзды, перевозитъ большія тяжести. Если перевозку тяжести предстоитъ совершить на недале-нее разстояніе, то осель точно также можетъ быть полезенъ. Въ песчаныхъ степяхъ вьючными животными служатъ верблюды.

Въ сѣверныхъ странахъ перевозятъ тяжести эскимосскіе олени и собаки. Собаку употребляютъ для болѣ легкихъ работъ и въ нашихъ странахъ. Въ Германіи на собакахъ крестьяне возятъ въ городъ для продажи молоко, творогъ, масло, яйца, плоды, складывая весь свой товаръ въ телѣжку, въ которую запрягаютъ собаку.

Собаки занимаются еще спасеніемъ людей отъ смерти. Какъ часто сенъ-бернардская собака въ швейцарскихъ альпахъ спасала жизнь заблудившагося и почти засыпаннаго

снѣгомъ путника! А водолазь, этотъ могучій и красивый, курчавый песъ! Какъ часто спасаетъ онъ тонущихъ людей!

Бываетъ часто, что въ городахъ на пожарахъ остаются дѣти въ домахъ, и ихъ

нельзя вытащить, потому что они отъ испуга спрячутся и молчать, а отъ дыма нельзя ихъ рассмотреть. Для этого въ Лондонѣ приучены собаки. Собаки эти живутъ съ пожарными, и, когда загорится домъ, пожарные посылаютъ собакъ вытаскивать дѣтей. Одна такая собака въ Лондонѣ спасла двѣнадцать дѣтей. Ее звали Бобъ.

Все полицейскіе знали Боба, любили и уважали его. Бобъ былъ награжденъ за спасеніе погибающихъ почетною золотою медалью. Собака не возгордилась этимъ знакомъ вниманія, но только съ каждымъ днемъ дѣйствовала все болѣе и болѣе самоотверженно. Бобъ являлся всегда первымъ тамъ, гдѣ была опасность. Казалось, что ни одно спасеніе не могло быть совершено безъ него. Во время своихъ ночныхъ прогулокъ отважный водолазъ заходилъ въ полицейскіе дома, гдѣ зимою ему всегда охотно уступали мѣсто у огня.

Нищій и собака.

Басня.

ольшой боярскій дворъ собаки стерегла.

Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала.

„Умилосердись надо мною!“

Съ боязнью, шопотомъ бѣднякъ ее молилъ:
„Я сутки ужъ не ѣлъ... отъ глада умираю!“

„Затѣмъ-то я и лаю“,

Собака говорить, „чтобъ ты накормленъ
былъ“.

Дмитріевъ.

Чужой разумъ.

Повадился козель въ огородъ; бывало, какъ только пастухи выгонятъ стадо, то Васька мой сперва какъ добрый идетъ и головой помахиваетъ, а какъ только подпаски засядутъ гдѣ-нибудь въ овражѣ играть въ камешки, то онъ и отправляется прямо въ капусту. Разъ и пошелъ онъ тѣмъ же

знакомымъ путемъ; идетъ себѣ да пофыркиваетъ, бородкой поматываетъ, будто за дѣломъ.

Въ это время отбилась отъ стада глупая овца, зашла въ чашу въ крапиву да въ лопушникъ; стоитъ сердечная да оглядывается, кричитъ благимъ матомъ, не найдется ли кто, добрый человѣкъ, чтобы вывелъ ее изъ этой бѣды. Увидавъ козла, она обрадовалась ему какъ родному брату. „Пойду за нимъ, думаетъ, этотъ выведетъ; и не первинка мнѣ за козломъ итти: у насъ такой же бородачъ вожакомъ впереди стада ходитъ“.

И пошла овца наша, увязавшись за козломъ. Онъ черезъ оврагъ — и она черезъ оврагъ, козель черезъ тынъ — овца черезъ тынъ; козель черезъ прясло — и овца черезъ прясло, да и попала съ нимъ вмѣстѣ въ огородъ, да сдуру и пошла прыгать по грядкамъ.

На этотъ разъ огородникъ на бѣду заглянулъ въ капусту свою и, увидавъ незваныхъ гостей, схватилъ предлинную хво-

ростину и пустился со всѣхъ ногъ на недруговъ. Козель, какъ попроворнѣе, опять успѣлъ выскочить изъ огорода черезъ плетень, мелькнулъ — и былъ таковъ, пошелъ пофыркивая въ чистое поле; а бѣдная овца замялась, замоталась, стала кидаться, оробѣвъ, во всѣ стороны, да и попалась. Не пожалѣлъ огородникъ на нее хворостины своей: всю измочалилъ о бѣдную овцу, такъ что она стала кричать не своимъ голосомъ, да помощи нѣтъ ни отъ кого. Наконецъ огородникъ подумалъ про себя: „Чего добраго, еще убьешь дуру эту, да послѣ не раздѣлаться“, — выгналъ ее въ калитку да еще таки на дорогу вытянулъ во всю спину хворостиной.

Пришла овца домой и плачется на козла: „Этакій озорникъ, обидчикъ, завелъ меня, да и покинулъ; и за весь грѣхъ одна моя спина поплатилась“! А козель говоритъ: „А кто тебѣ велѣлъ за моимъ хвостомъ бѣгать? Я пошелъ самъ въ свою голову, такъ самъ за себя и отвѣчаю; коли мужикъ мнѣ бока отомнетъ — не стану плакаться ни на кого: ни

на хозяина, зачѣмъ дома не кормить, ни на пастуха, что за мною не присмотрѣлъ; буду терпѣть да молчать, коли попадусь, и только. А тебя зачѣмъ нелегкая за мною понесла? Я тебя не звалъ“.

Гляди всякъ своими глазами, раскидывай своимъ умомъ и дѣлай, что и какъ разумѣешь. Чужой умъ — не разжива; чужимъ умомъ не поживешь; а поживешь, такъ и поплачешь.

Даль.

Дикія лошади.

Въ большихъ степяхъ по волѣ бѣгають цѣлыми стадами дикіе кони. Они пугливы, близко не подпустятъ человѣка; коли гдѣ запримѣтятъ домашнихъ лошадей, окружаютъ ихъ и увлекутъ съ собою, — значитъ, не служи людямъ, живи съ нами. Поѣзжай по Волгѣ на низъ, ближе къ устью; тамъ, за городомъ Казанью, къ Самарѣ и къ Саратову, пойдутъ большія зеленныя степи, гдѣ живутъ татары. Для татаръ лошадь — все богатство: и зиму и лѣто пасется она на свободѣ въ степи, сама отыскивая себѣ кормъ. Стадо, если

оно только не разбрелось во время бури, легко пригнать въ деревню на водопой; тутъ ловятъ и привязываютъ жеребятъ, чтобы выдоить у кобыль молоко; потомъ лошадей опять отпускаютъ въ степь. Такъ дѣлаютъ каждый день. Молоку даютъ скиснуть и приготавливаютъ изъ него кумысъ, который охмеляетъ голову, какъ легкое вино.

Чтобы объѣздить лошадь, ловятъ ее изъ стада длиннымъ арканомъ и стреноживаютъ, то-есть, три ноги ей связываютъ ремнемъ, такъ, что она можетъ стоять. Ее взнуздываютъ и кладутъ ей на спину подушку, которую крѣпко притягиваютъ подпругою. Татаринъ садится на голую спину, держа за подушку; тутъ снимаютъ съ ногъ ремень, и лошадь брыкается, бросается скакать во весь духъ, куда глаза глядятъ. Но всадникъ сидитъ крѣпко, бьетъ ее кнутомъ, и она наконецъ сдается; тогда уже можно править уздою и заставить ее, хоть не охотно, итти въ деревню.

Водовозовъ.

Сколько ѣды нужно волкамъ.

Много вреда приносятъ своею прожорливостью волки. Трудно себѣ и представить, сколько скота гибнетъ отъ нихъ каждый годъ! Въ одной Лифляндской губерніи въ 1823 году волки съѣли пятнадцать тысячъ овецъ, тысячу восемьсотъ коровъ и быковъ, столько же лошадей, около четырехъ тысячъ ягнятъ и козъ, четыре тысячи свиней, семьсотъ собакъ и почти двѣ тысячи гусей и куръ.

Во всей Россіи волки пожираютъ каждый годъ среднимъ числомъ сто-восемьдесятъ тысячъ головъ крупнаго скота, пятьсотъ-шестьдесятъ тысячъ головъ мелкаго и сто

тысячъ собакъ да еще неизвѣстно, сколько домашней птицы и дичи.

Всего на все волки съѣдаютъ въ годъ скота, по крайней мѣрѣ, на 25 милліоновъ рублей.

Когда волкъ голоденъ, онъ страшно свирѣпъ и храбръ. Голодный волкъ бросается и на человѣка. Волки бродятъ то въ одиночку, то стаями. При своихъ разбойничьихъ набѣгахъ они бродятъ гуськомъ, волкъ за волкомъ. Они бросаются на добычу, очертя голову. Если не берутъ верхъ силой, то берутъ числомъ. Что волки, оставшіеся въ живыхъ, пожираютъ волковъ убитыхъ, извѣстно всѣмъ.

Волкъ и котъ.

Басня.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ—
Не въ гости, но животъ спасая,
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,

Да то лишь горе,

Что всѣ ворота на запорѣ.

Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ

Кота.

И молвить: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,

Кто здѣсь изъ мужиковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?

Все это вѣдь за мной“.— Проси скорѣй Степана,

Мужикъ предобрый онъ,— котъ-Васька говоритъ.

„То такъ; да у него я ободралъ барана“.

— Ну, попытайся у Демьяна.

„Боюсь, что на меня и онъ сердить:

Я у него унесъ козленка“.

— Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.

„Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:

Онъ на меня съ весны грозитъ за ягненка!“

— Ну, плохо жъ!.. Но, авось, тебя укроетъ Климъ!

„Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!“

— Какъ вижу, кумъ, ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ,—

Сказалъ тутъ Васька волку:—

Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулил?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько
мало толку,

Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.

И правы,—самъ себя вини.

Что ты посѣялъ, то и жни.

Крыловъ.

Медвѣдь.

Медвѣдь одинъ изъ любимыхъ героевъ нашихъ сказокъ. Народъ относится къ нему какъ-то по-товарищески, надѣливъ его человѣческимъ именемъ и забавнымъ прозвищемъ. Назовите въ какой хотите русской деревнѣ Михайла Ивановича Топтыгина — и всякій пойметъ, о комъ идетъ рѣчь. Это происходитъ отъ того, что медвѣди—самые обыкновенные обитатели нашихъ лѣсовъ.

Особенно красивой наружностью Мишка похвалиться не можетъ. Уши у него маленькія, круглыя, край нижней губы зубчатый; хвостъ короткій, ноги толстыя, лапы съ большими кривыми когтями; подошвы почти голыя. На ходу медвѣдь упирается на

землю всей ступней. Переднія ноги его нѣсколько короче заднихъ, отчего медвѣдь гораздо легче бѣжить на гору, чѣмъ подъ гору. Если медвѣдь съ горы разбѣжится очень скоро, то нерѣдко летитъ внизъ кувиркомъ.

Медвѣдь—животное всеядное. Говорятъ, что въ молодости онъ питается исключительно растительною пищею. Но вообще Мишка не прихотливъ на ѣду. Онъ съѣстъ все съѣдобное: всякихъ животныхъ, раковъ, червей, насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, улитокъ, птицъ, ихъ яйца и даже не брезгаетъ падалью. На берегахъ рѣкъ онъ ловитъ рыбу. Если медвѣдь поселится неподалеку отъ человѣческаго жилья, то становится весьма опаснымъ сосѣдомъ даже для крупныхъ животныхъ и производитъ большія опустошенія между домашнимъ скотомъ.

Но, несмотря на неразборчивость пищи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ большой лакомка. У него есть губительная страстишка — воровать изъ ульевъ медъ. За это нерѣдко приходится ему расплачиваться своею жизнью.

Въ Сибири кедровые орѣшки — его любимое лакомство.

При наступленіи зимы, медвѣдь готовится себѣ берлогу въ ямахъ, которую вырываетъ самъ въ темной чащѣ лѣса и устраиваетъ себѣ пріютъ въ родѣ шалаша изъ хвороста и листьевъ. Въ немъ дѣлаетъ онъ очень удобную, мягкую постель изъ хвороста, травы, листьевъ, моха. Съ наступленіемъ морозовъ, медвѣдь залѣзаетъ въ свою берлогу на всю зиму; на него находятъ сонъ, который, впрочемъ, совсѣмъ не похожъ на зимнюю спячку сурка и другихъ животныхъ.

Медвѣдь никогда не впадаетъ въ такое полумертвое состояніе.

При оттепеляхъ, онъ уже въ январѣ выходитъ иногда изъ берлоги и бродитъ поблизости, чтобы напиться и перехватить чего-нибудь. Новые морозы опять загоняютъ его въ берлогу. Прежде вѣрили, что медвѣдь, лежа въ берлогѣ, сосетъ свою лапу и высасываетъ изъ нея жиръ. Новѣйшія наблюденія доказали, что это ошибка. Медвѣдь, лежа, только иногда лижетъ свою лапу.

Охота на медвѣдей очень опасна, такъ какъ медвѣдь обладаетъ громадной силой. Сила его челюстей изумительна: онъ дробитъ зубами огромныя кости, а лапами бьетъ такъ сильно, что можетъ сразу убить человека. На медвѣдя самые опытные охотники ходятъ не всегда со спокойнымъ духомъ. Ходятъ на медвѣдя вдвоемъ и вчетверомъ. Передъ отправленіемъ на звѣря, ходятъ въ баню и надѣваютъ чистое бѣлье, а, собравшись совсѣмъ на охоту, прощаются другъ съ другомъ и даютъ другъ другу клятву въ томъ, чтобъ, въ случаѣ опасности, защищать до послѣдней капли крови. Нѣкоторые тунгузы и русскіе добываютъ медвѣдя изъ берлоги въ одиночку; но такой способъ добыванія называется удалствомъ. Нужно обладать навыкомъ, ловкостью и отвагой, чтобы не поплатиться жизнью. Охотники отправляются на медвѣдя съ кинжаломъ, ружьемъ или рогатиной. Иногда берутъ съ собою еще собаку. Добываютъ же медвѣдей большею частью посредствомъ различныхъ ловушекъ.

Медвѣдица очень любитъ и съ раннихъ лѣтъ учить медвѣжатъ лазанью по деревьямъ и плаванью по водѣ. Медвѣжата учатся охотно. Забавно смотрѣть на маленькихъ медвѣжатъ, когда они спускаются съ дерева задомъ напередъ. Любопытно также смотрѣть, какъ учить мать своихъ дѣтей добывать себѣ кедровые орѣхи. Мать забирается въ орѣшникъ, собираетъ съ дерева орѣховыя шишки, стоя на заднихъ лапахъ; кладетъ ихъ на лапу, прижатую къ груди, потомъ относитъ добычу на чистое мѣсто и заставляетъ своихъ дѣтей катать кедровыя шишки по землѣ, отъ чего орѣхи высыплются, и тогда всѣ лакомятся. При маленькихъ медвѣжатахъ, кромѣ матери, находятся еще пѣстунъ, или дядька; этотъ пѣстунъ — выросшій прошлогднй медвѣжонокъ. Обязанность его состоятъ въ томъ, чтобы ухаживать, какъ нянька, за маленькими сестрицами и братцами.

Сыздавна идетъ молва о добродушии Мишки. Но эта молва не совсѣмъ основательна. Между медвѣдями есть глупые и смышленные;

но вообще лѣнныя. Память у него слабая, способности разсуждать вовсе нѣтъ. Воспитаніе и обученіе плохо прививается къ нему. Нерѣдко бывали ужасные случаи отъ ручныхъ медвѣдей, когда они озлоблялись на кого-либо изъ людей. Жестокое обращеніе вожаковъ ученыхъ медвѣдей чаще всего оканчивалось смертью мучителя. Въ настоящее время запрещено водить по селамъ и деревнямъ „медвѣдей-плясунѡвъ“.

М е д в ѣ д ь.

Басня.

Медвѣдя по дворамъ цыганъ водилъ плясать.
Въ деревнѣ русскую медвѣдь увидѣвъ пляску,
Самъ захотѣлъ ее, затѣйникъ, перенять:

Медвѣди, нечего сказать,
Ловки перенимать!

Вотъ разъ, какъ днемъ цыганъ на солнцѣ
спалъ врастажку,

Мой Мишенька поднялся на дыбки,
Платокъ хозяйскій взялъ онъ въ лапу,
Изъ-подъ цыгана вынулъ шляпу;
Набросивъ набекрень, какъ хваты ямщики,
И, топнувши ногой, медвѣдь плясать пу-
стился.

„А? Каково?“ Барбосу онъ сказалъ.
Барбосъ вблизи на этотъ разъ случился.
Собака—умный звѣрь и пляски онъ видалъ.
— Да плохо, песъ Барбосъ медвѣдю отвѣ-
чалъ.

„Ты судишь строго, братъ!“ собакѣ мол-
вилъ Мишка.

„Я чѣмъ не молодецъ! Пляшу

Чѣмъ хуже, какъ вчера плясалъ ямщикъ
вашъ Гришка?

Гляди, какъ ловко я платкомъ машу!
Какъ выступаю важно, плавно!“

— Такого плясуна

Еще не видѣла вся наша сторона!
Легко ты пляшешь, какъ цыпленокъ!
Такъ крикнулъ мимо тутъ бѣжавшій поро-
сенокъ.

Порода ихъ, извѣстно, какъ умна!

Но Миша,

Судь поросенка слыша,
Задумался, вздохнулъ, трудиться пере-
сталъ

И, съ видомъ скромнымъ, самъ съ собою
бормоталъ:

„Хулить меня собака,—то не чудо:
Успѣху самъ не очень вѣрилъ я;
Но, если хвалить ужъ свинья —
Пляшу я, вѣрно, худо“.

Гнѣдичь.

Значеніе дикихъ животныхъ.

Вредъ, приносимый человѣку хищными животными, довольно ощутителенъ; но добываемые отъ нихъ продукты вполнекупаютъ этотъ вредъ.

Въ Россіи водится много звѣрей, доставляющихъ цѣнные мѣха, и чѣмъ болѣе русской человѣкъ уничтожаетъ дикихъ пушныхъ звѣрей, тѣмъ значительнѣе его выгоды, ибо хорошіе мѣха всегда охотно покупаются какъ внутри Россіи, такъ и во всѣхъ другихъ государствахъ. А мѣха соболей, чернобурыхъ лисицъ, горностаея и бобра очень цѣнны. Однѣхъ бѣлокъ въ Россіи добывается ежегодно болѣе пятнадцати милліоновъ штукъ, на полтора милліона рублей серебромъ.

Много пользы приносятъ человѣку и тѣ дикія животныя, что плодятся въ сѣверныхъ ледовитыхъ моряхъ и океанахъ: киты, моржи, тюлени.

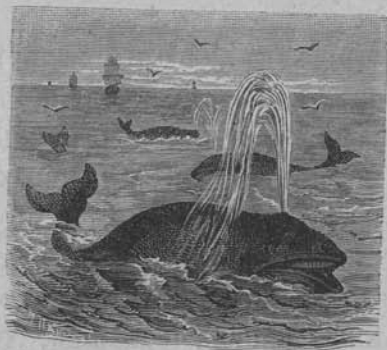
Особенно много пользы извлекаетъ чело-

вѣкъ изъ убитаго кита. Убиваютъ этихъ морскихъ гигантовъ главнымъ образомъ ради того, чтобъ добыть для продажи такъ называемый китовый усъ да чтобы вытопить изъ кита нѣсколько бочекъ сала. Большой китъ часто вѣситъ до шести тысячъ пудовъ. Такой китъ даетъ товару тысячи на три рублей.

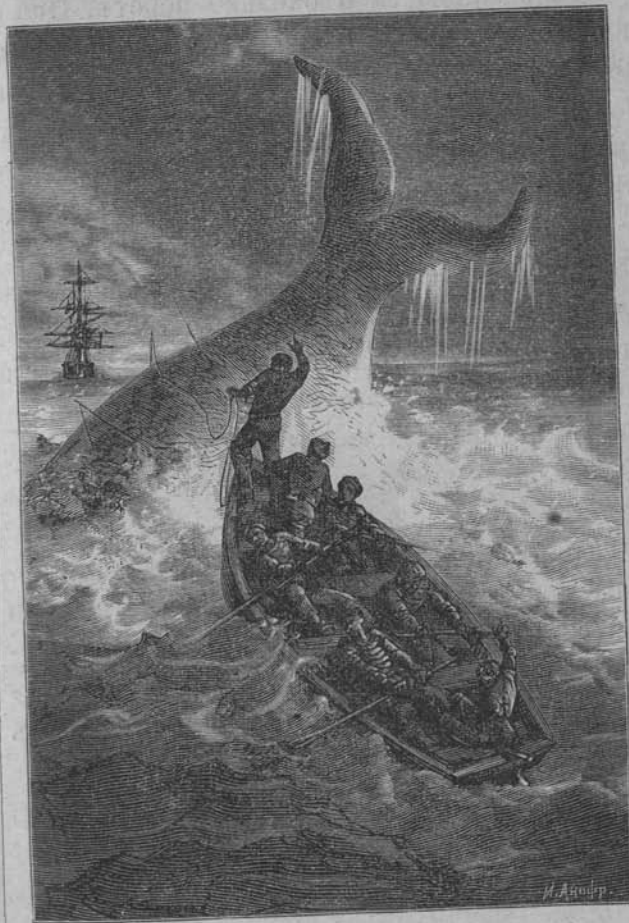
Множество кораблей отправляется для ловли китовъ въ сѣверныя моря въ то время, когда они очищаются отъ огромныхъ плавающихъ по нимъ льдинъ и ледяныхъ полей. Одинъ изъ матросовъ садится на мачту и смотритъ, не видно ли гдѣ-нибудь кита. Какъ только сторожевой увидитъ знакомый фонтанъ или голову чудовища, то даетъ знать объ этомъ, и въ то же время съ корабля спускаютъ лодку съ матросами и гарпунщиками. Въ рукахъ у гарпунщиковъ длинныя, острыя желѣзныя сваи съ крючками (гарпуны), привязанныя на длинной веревкѣ.

Тихо подплываетъ лодка къ громадному животному, и гарпунщикъ изо всей силы

вонзаетъ въ него свое оружіе; въ ту же минуту китъ опускается въ воду, и канатъ, къ которому привязанъ гарпунъ, бѣжитъ съ лодки съ такой силой и быстротою, что, если нечаянно онъ какъ-нибудь попадетъ на человека, то раздавить его въ то же мгновеніе.

Побывъ подъ водою нѣсколько времени, китъ непременно долженъ вынырнуть наверхъ, чтобъ подышать воздухомъ. Тогда опять вонзаютъ ему въ тѣло гарпуны и острия копья; море окрашивается кровью животнаго. Китъ бьется въ это время съ такою силою, что удары его тяжелаго хвоста по водѣ бы-

вают слышны за нѣсколько верстъ. Наконецъ онъ истекаетъ кровью, теряетъ силы, поворачивается на бокъ и издыхаетъ. Тогда подтягиваютъ кита къ кораблю, сходятъ на громадное животное, какъ на островъ, вырѣзываютъ жиръ, а изъ пасти достаютъ усы и языкъ; остальное же бросаютъ.

Моржи взлѣзаютъ на ледяныя скалы съ помощью клыковъ. Люди убиваютъ моржей, чтобы взять себѣ его бѣлые бивни, изъ которыхъ вытачиваютъ хорошенькія вещицы. Моржевая кожа, жиръ и мясо также нужны жителямъ прибрежныхъ сѣверныхъ странъ.

Тюлени полезны человѣку своей непромокаемой шкурой. На дѣтенышахъ тюленей шкурка бываетъ бѣленькая, нѣжная, мягкая. Обыкновенной величины тюлень бываетъ въ аршинъ. Нѣкоторыя породы ихъ достигаютъ въ длину до трехъ аршинъ.

С т р а у с ъ .

Страусъ живетъ въ песчаныхъ степяхъ Африки. Это самая большая птица на всемъ земномъ шарѣ.

Страусы кладутъ свои яйца прямо въ песокъ. Въ каждое гнѣздо кладутъ свои яйца нѣсколько самокъ. Ростомъ страусъ бываетъ, обыкновенно, въ сажень, а то и больше. Въсь этой птицы—до трехъ пудовъ. Кажется, что страусъ отказался отъ крыльевъ, находя себя

слишкомъ тяжелымъ, чтобы подыматься на воздухъ и летать. Онъ предпочелъ лучше имѣть хорошія ноги, чтобы быть скороходомъ по преимуществу. И дѣйствительно, страусъ бѣжитъ съ такою быстротою, что

нѣтъ такой быстрой лошади, которая обогнала бы его въ нѣсколько минутъ. Почувявъ опасность, страусъ пускается въ бѣгство, дѣлая при этомъ шаги отъ 12—14 футовъ. Страусъ бѣжитъ шибко и тогда, когда на

немъ лежитъ какая-нибудь тяжесть или сидитъ мальчикъ-арабъ.

Нѣтъ ничего подобнаго ногамъ страуса; но и желудокъ его хорошъ! На свободѣ, у себя на родинѣ, страусъ питается степными растеніями, огурцами, почками кустарниковъ, ѣсть маленькихъ гадовъ, насѣкомыхъ, всякія зерна, молодую древесную кору. Для содѣйствія пищеваренію проглатываетъ громадное количество мелкихъ камней.

Живя въ прирученномъ состояніи, страусъ отправляетъ въ свой желудокъ все, что только попадаетъ ему на глаза: стекло, гвозди, мѣдный подсвѣчникъ, карманные часы съ цѣпочкой, бумагу, мыло; мимоходомъ можетъ проглотить нѣсколько живыхъ цыплятъ. Однимъ словомъ,—это просто желудокъ на двухъ ногахъ! Такая неразборчивость въ пищѣ часто стоила жизни страусу: стекло прорѣзывало желудокъ, а гвозди прокалывали кишки—и птица умирала.

Вѣсомъ каждое яйцо страуса равняется двадцати куринымъ. Изъ крѣпкой скорлупы страусовыхъ яицъ выдѣлываютъ разныя

вещи. Черные обитатели Африки, негры, любятъ мясо молоденькихъ страусовъ и яйца; мясо старыхъ птицъ вязко и безвкусно. Последнихъ убиваютъ только ради красивыхъ перьевъ.

Въ звѣринцахъ страусы живутъ парами и сильно привязываются другъ къ другу. Были примѣры, что страусъ, послѣ смерти своей супруги, терялъ покой и сонъ, тосковалъ, издавалъ хриплое рыканье, наконецъ, исхудавъ, погибалъ отъ своего неутѣшнаго горя.

Скворецъ.

Вышелъ пахарь на рѣчку, видитъ—скворецъ на ольху дуплястую прилетѣлъ. Сѣлъ, стряхнулся, чирикнулъ—изъ дуплышка разомъ шесть скворчиковъ рты поразинули. Сунулъ онъ червя въ ротъ крикуну; усѣлся на вѣточкѣ, перья почистилъ и пѣсню запѣлъ, пѣсню бойкую. Позаслушался мужичокъ, и пришлась ему по сердцу пѣсенка та. Но случилась бѣда. Изъ-за ольхи кудрявой

юркнулъ ястребъ, скворца подхватилъ. Тутъ впервые нашъ пахарь полюбилъ его. А изъ дупла скворчата пищать, просить ѣсть сироты. Сжалось сердце мужичье: „Нутко я ихъ пригрѣю“. Взялъ топоръ, подрубилъ онъ ольшину и принесъ дупло то къ себѣ на дворъ. Охали, охали со старухой дома, какъ бы скворчаниному горю помочь. Да скворчата кричатъ, а не ѣдятъ; и изъ дупла ихъ не вынуть ничѣмъ. „А надо быть къ вечеру сгинуть“. И положилъ онъ на повѣтъ. Всталъ поутру, глядитъ и дивится. Весело такъ скворчата пищать. Мать подъявилась и стала кормить ихъ. „Божье велѣнье, значить, тутъ есть!“ молвилъ мужикъ. И съ тѣхъ поръ,

какъ только избу себѣ онъ построитъ, такъ и приютъ скворцу тутъ устроить. Нѣтъ на великой Руси ни одной деревушки, гдѣ бѣ на воротахъ корявой избушки не торчала скворечница, да еще съ березовой вѣточ-

кой. Для кого же эти дуплишки? Для кого эти хороминки? Все для друга, для любимчика, для скворушки болтливаго.

Богдановъ.

Скворецъ.

У старичка-охотника былъ ученый скворецъ, который умѣлъ говорить. Къ охотнику часто приходилъ сынишка его сосѣда послушать чудную птицу. Особенно нравилось ему, какъ старичокъ, бывало, спросить:

„Гдѣ ты, скворушка?“

А скворецъ тотчасъ и крикнетъ:

— Здѣсь, дядюшка!

Разъ мальчикъ приходитъ, а охотника нѣтъ въ комнатѣ. И задумалъ плутишка украсть рѣдкую птицу: схватилъ ее и проворно сунулъ въ карманъ. Въ эту самую минуту входитъ въ комнату старичокъ. Онъ ласково кивнулъ мальчику и, чтобы позабавить его, спрашиваетъ:

„Скворушка, гдѣ ты?“

— Здѣсь, дядюшка!—крикнулъ изо всей мочи скворецъ въ карманѣ воришки.

Не искалъ бы въ селѣ, а искалъ бы въ себѣ.

Однажды жаворонокъ свилъ себѣ гнѣздо въ травѣ въ полѣ, близъ дороги. Когда высижены были птенцы, мать ихъ улетала каждый день доставать имъ пищу и приказывала маленькимъ птичкамъ сидѣть смирно и слушать все, что будутъ говорить прохожіе, чтобы можно было выбраться изъ гнѣзда, пока трава еще не скошена.

Разъ, по возвращеніи матери, птенцы закричали ей съ величайшимъ безпокойствомъ: „Матушка, матушка! мы сейчасъ же должны оставить гнѣздо: траву будутъ скоро

косить. Сегодня утромъ проходилъ мимо крестьянинъ съ сыномъ и сказалъ, что трава уже готова и погода стоитъ прекрасная, поэтому онъ попросить своихъ друзей и сосѣдей помочь ему убрать сѣно, и они завтра же примутся за работу“.

— Не бойтесь, дѣтки, — сказала старая птица, — намъ пока не зачѣмъ торопиться. Если онъ такъ сдѣлаетъ, то траву завтра еще не стануть косить. Они поэтому и не беспокоились.

Нѣсколько дней спустя молодья птички опять съ тревогой защебетали матери:

„Мама! теперь уже въ самомъ дѣлѣ настало время намъ улетать отсюда. Крестьянинъ опять былъ здѣсь и говорилъ, что друзья и сосѣди не хотѣли оказать ему помощи, и что теперь уже онъ попросить родственниковъ своихъ помочь ему скосить траву завтра же“.

— И тутъ еще нѣтъ никакой опасности для насъ, — возразила мать.

Черезъ нѣсколько дней дѣти заговорили совсѣмъ другое:

„Крестьянинъ сегодня опять былъ здѣсь и сказалъ, что онъ обманулся, надѣясь на друзей и родственниковъ, и примется съ завтрашняго же утра косить траву самъ“.

— Вотъ теперь, — сказалъ старый жаворонокъ, — теперь мы должны спѣшить; пока онъ надѣялся на помощь другихъ, до тѣхъ поръ мало было вѣроятности, чтобъ въ самомъ дѣлѣ скосили сѣно; *но когда онъ уже намъренъ самъ себя помогать*, то для насъ наступила серьезная опасность.

Птицы тотчасъ перелетѣли на другое поле, и на слѣдующее же утро трава была скошена; между тѣмъ погода переимѣнилась, небо покрылось тучами и хлынувшій вельдъ за тѣмъ дождь испортилъ все сѣно.

Какова дѣятельность птицъ.

Каждое растеніе имѣетъ своего смертоноснаго насѣкомаго. У дуба есть рогачъ, у вяза — древоточецъ, у сосны и ели — короѣдъ, или типографчикъ, у хлѣбныхъ растеній — личинка майскаго жука и долгоножки, у

бобовыхъ растений — зерновка, у полевой рѣпы — травяныя блохи.

Противъ этой-то безчисленной арміи насѣкомыхъ сражаются птицы. Ласточки, воробьи, малиновки, синицы, соловьи, репологи, трясогузки, жаворонки, черные и пѣвчіе дрозды, совы, вороны, сотни и тысячи другихъ птицъ, со своими зоркими глазами и острыми клювами, всегда наготовѣ для борьбы противъ шестиногихъ. Но что же истребляютъ птицы?

Воробей, столь обезславленный, въ теченіе какихъ-нибудь 12 дней выбросилъ изъ своего гнѣзда болѣе 60 надкрылій майскихъ жуковъ, приносимыхъ ежедневно родителями ихъ птенцамъ. Прибавимъ къ этому около 25 жуковъ, уничтоженныхъ въ день родителями, и мы получимъ въ итогѣ 1000 майскихъ жуковъ, уничтоженныхъ въ 12 дней однимъ только гнѣздомъ вольныхъ воробьевъ.

А *ласточка*? Кромѣ мухъ, мошекъ, долгоножекъ, она ловить, во время быстрыхъ своихъ движеній, еще и хлѣбныхъ жуковъ

и щелкуновъ, и травяныхъ блохъ, этихъ страшныхъ враговъ всего, производимаго садоводствомъ. Въ зобахъ 18 стрижей (родъ ласточки), убитыхъ съ 15-го апрѣля по 29-е августа, были найдены остатки 8690 насѣкомыхъ, что составляетъ ежедневно для каждой птицы, среднимъ числомъ, 480 насѣкомыхъ.

Жаворонки питаются весною и лѣтомъ различными насѣкомыми, а осенью — сѣменами хлѣбныхъ растений и сорныхъ травъ, подбирая ихъ съ земли.

Дятель, этотъ неутомимый лѣсоводъ, есть безспорно наилучшій и наипрозорливѣйшій истребитель личинокъ, живущихъ на счетъ лѣса. Онъ истребляетъ въ огромномъ множествѣ ночныхъ и сумеречныхъ бабочекъ, древоотцевъ, осъ, долгоносиковъ и, наконецъ, муравьевъ, которыхъ онъ ловитъ своимъ длиннымъ липкимъ языкомъ.

Иволга уничтожаетъ цѣлыми тысячами истребителей лѣсовъ: ночныхъ и сумеречныхъ бабочекъ, долгоносиковъ и пр.

Кукушка занимается специальнымъ истребленіемъ мохнатой гусеницы.

Пигалица есть естественный врагъ *ша-шеня*, что не мѣшаетъ, однако, людямъ безсмысленно истреблять этихъ птицъ.

Скворецъ оберегаетъ стада отъ грызущихъ насѣкомыхъ, и, при помощи дроздовъ, истребляетъ безчисленныхъ кузнечиковъ, слизняковъ и земляныхъ червей.

Соловьи и зяблики, синицы и малиновки, пищуха и поползни, корольки, реполовы и коноплянки соперничаютъ въ ловкости и представляютъ собою лучшихъ гусеницеѣдовъ, какихъ только можно себѣ представить.

Вотъ какова дѣятельность птицъ!

Значеніе и стоимость гнѣзда птицы.

Шалунамъ-мальчикамъ удалось въ саду разорить гнѣздо малиновки, въ которомъ было пять, еще неоперившихся, птенчиковъ. Дѣти хохочутъ, скачутъ, какъ будто съ радости, надъ выпавшими изъ гнѣзда птичками. Но вотъ, ушибленные птички уже перестали ды-

шать, и мать ихъ, какъ будто потерянная, покружившись надъ разореннымъ гнѣздомъ своимъ, съ крикомъ улетѣла, чтобъ больше не ворочаться ей на опустылое мѣсто.

Теперь посчитаемъ, во что обойдется для сада и огорода шалость мальчиковъ. Въ гнѣздѣ было пять птичекъ. Каждой птичкѣ, чтобъ быть сытой, нужно въ день не меньше пятидесяти штукъ гусеницъ, мухъ, жуковъ, мошекъ и тому подобныхъ насѣкомыхъ. Выходитъ, что въ день на кормъ всѣмъ пяти птичкамъ нужно ($50 \times 5 = 250$) двѣсти-пятьдесятъ насѣкомыхъ.

Провѣрить эти слова и расчетъ легко: стоить только издали часъ или два наблюдать за самкою или самцомъ, которые, можно сказать, поминутно, въ продолженіе цѣлаго дня, приносятъ кормъ своимъ дѣтенышамъ.

Вскармливаніе въ гнѣздѣ птичекъ продолжается 30 дней; а какъ въ одинъ день пять птичекъ поѣдаютъ 250 насѣкомыхъ, то въ 30 дней онѣ съѣдятъ (250×30) семь тысячъ пятьсотъ штукъ разныхъ гусеницъ, мухъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ.

Каждая гусеница пожираетъ ежедневно столько корму листьевъ и цвѣтовъ, сколько сама она вѣситъ. На вскормленіе себя гусеницѣ нужно также 30 дней, и пусть она въ день уничтожаетъ только по одному цвѣточку, изъ котораго со временемъ можетъ вырасти плодъ: яблоко, груша, слива, ягода, огурецъ. Значитъ, гусеница въ 30 дней съѣстъ въ цвѣту 30 плодовъ, а тѣ семь тысячъ пятьсотъ гусеницъ, которыя нужны для выкормки пяти птицъ въ гнѣздѣ, съѣдятъ уже кругомъ (7500×30) двѣсти-двадцать-пять тысячъ такихъ цвѣтковъ.

Выходитъ — не разори мальчики птичьяго гнѣзда, было бы спасено въ саду, въ огородѣ и около того мѣста, гдѣ садъ, до двухсотъ-двадцати-пяти тысячъ плодовъ, то-есть яблокъ, грушъ, сливъ, огурцовъ, ягодъ. Вотъ какъ велика стоимость одного гнѣзда самой обыкновенной маленькой птички!

Главинскій.

Собака, человѣкъ, кошка и соколъ.

Басня.

Собака, человѣкъ да кошка да соколъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ
вѣчной,

Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій
столъ;

Клялись дѣлить они и радость и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять

И, если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ, какъ-то вмѣстѣ всѣ, отправясь на охоту,

Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялися, утомилися

И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя,—
Какъ вдругъ изъ лѣсу шастъ
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.

Вѣду такую видя,
Соколъ—на воздухъ, кошка—въ лѣсъ,
И человѣкъ тутъ съ жизнью бы простился,

Но вѣрный песь
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,
И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревѣлъ отъ боли и отъ злости,
Песь, прохвата его до кости,
Повисъ на немъ и зубъ не разжималъ,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ.
А человекъ? Къ стыду, изъ насъ не всякій
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ, подхвата ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.
На языкѣ легка и ласка и услуга;
Но въ нуждѣ лишь узнать прямого можно
друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ въ баснѣ сей былъ вѣр-
ный песь оставленъ,
Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ вырученъ, избавленъ,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругалъ вездѣ!

Крыловъ.

Потребность сердца.

(Восточное сказанье).

У одного персидскаго султана былъ лю-
бимый визирь (министръ), по имени Азаметь,
котораго онъ полюбилъ еще въ молодости
и возвелъ на степень перваго вельможи въ
государствѣ. Азаметь былъ уменъ, добръ и
справедливъ; онъ захотѣлъ исправить мно-
гое дурное, истребить многія злоупотребле-
нія во владѣніяхъ своего государя; но этимъ
онъ приобрѣлъ себѣ множество враговъ, ко-
торые такъ оклеветали его передъ султаномъ
и даже передъ народомъ, что бѣдный Аза-
метъ скоро лишился не только всѣхъ по-
честей и богатства, но даже друзей и прія-
телей. Онъ удалился въ пустынное мѣсто,
гдѣ самъ построилъ себѣ красивую избушку
и гдѣ началъ обрабатывать клочокъ земли
по берегу ручья.

Цѣлыхъ два года провелъ онъ въ совер-
шенномъ уединеніи, какъ вдругъ одинъ
мудрецъ и старинный другъ его, по имени
Узбекъ, открылъ его убѣжище и пришелъ
навѣстить его. Онъ встрѣтилъ Азамета, не-

доходя двухъ версть до его хижины; они узнали другъ друга, обнялись: мудрецъ проливалъ слезы, а лицо изгнанника было ясно, уста его улыбались и въ глазахъ сіяла радость.

„Благословенъ Богъ, дающій твердость несчастнымъ! — сказалъ Узбекъ. Тотъ, кто прежде владѣлъ богатѣйшимъ дворцомъ въ Персіи, довольствуется теперь хижиной среди горъ. О, Азаметъ! твои добродѣтели послѣдовали за тобою въ пустыню, онѣ утѣшаютъ тебя въ лишеніи всѣхъ земныхъ благъ,—благодаря имъ ты забылъ о драгоценныхъ камняхъ, богатыхъ тканяхъ и различныхъ цвѣтахъ, которыми былъ окруженъ прежде! Но неужели ты свыкся даже съ одиночествомъ? Пустыня безъ товарища — то же, что могила“.

Между тѣмъ они приближались къ хижинѣ Азамета, изъ которой онъ вышелъ съ самаго утра; къ нимъ на встрѣчу съ веселымъ ржаньемъ выбѣжала молодая лошадка; Азаметъ приласкалъ ее, и она, игриво подсакивая, пошла съ нимъ рядомъ.

Вскорѣ съ ближней поляны поспѣшно подошли къ Азамету двѣ красивыя коровы, а за ними спустились со скалы двѣ козы съ двумя рѣзвыми козлятами, которые выражали свою радость, при видѣ хозяина, весело прыгая и играя вокругъ него. Вотъ, съ маленькаго луга, покрытаго молодыми деревцами, сошло четыре или пять овецъ; онѣ блеяли, скакали, лизали руки Азамета, и онъ смотрѣлъ на нихъ съ ласковой улыбкой; въ то же время нѣсколько голубей спустились на его голову и плечи. Когда онъ входилъ въ маленькій огородъ, окружавшій его хижину, гулявшій тамъ пѣтухъ, при видѣ его, весело запѣлъ; всѣ эти животныя окружили Азамета, и пѣнью пѣтуха и кудаханью куръ отвѣтилъ крикъ осла, радостно присоединившагося къ семьѣ изгнанника.

Но выраженія радости и привязанности этихъ животныхъ не могли сравниться съ восторгомъ двухъ бѣлыхъ собачекъ, встрѣтившихъ Азамета въ дверяхъ его домика; онѣ не выбѣжали къ нему на встрѣчу, желая,

кажется, показать ему, какъ вѣрно стерегутъ его жилище; но когда онъ вошелъ въ него, собачки принялись осыпать его ласками: онѣ бросались къ его ногамъ, лизали ихъ, смотрѣли на него сверкающими глазами и нѣжно ворчали; при малѣйшей ласкѣ хозяина, онѣ высоко подпрыгивали, обѣгали кругомъ комнаты, лая изъ всѣхъ силъ; казалось, онѣ обезумѣли отъ радости; наконецъ, запыхавшіяся и взволнованныя, улеглись онѣ у ногъ Азамета.

Мудрецъ смотрѣлъ на эту сцену съ улыбкой:

— Ну, вотъ, — сказалъ бывшій визирь, — ты видишь меня и теперь такимъ же, какимъ я былъ съ дѣтства, — другомъ всякаго добраго существованія; я хотѣлъ устроить счастье людей, но люди не допустили меня до этого; теперь я доставляю счастье этимъ животнымъ и наслаждаюсь ихъ благодарностью. Ты видишь, что среди пустынныхъ скалъ у меня есть товарищи и что мое одиночество не напоминаетъ могилы. Я живу еще, мой дорогой другъ, ибо я люблю и меня любятъ.

Статьи духовно-нравственнаго содержанія.

Кто мой ближній?

Да! кто онъ? Кто этотъ человекъ, на котораго я долженъ смотрѣть, какъ на брата своего, которому долженъ протягивать руку, открыть сердце, поспѣшить къ нему на помощь, пока еще эта помощь можетъ спасти его?

Кто онъ? А вотъ этотъ самый, мимо котораго я прохожу такъ равнодушно, говоря себѣ: „Это чужой!“

Что значить любить ближняго.

Въ келліяхъ Хозива (въ первые вѣка христіанства) былъ одинъ старецъ, о которомъ, жившіе съ нимъ старцы, рассказывали слѣдующее. Когда онъ жилъ еще въ своей деревнѣ, то поступалъ обыкновенно такъ: если видѣлъ, что кто-нибудь въ деревнѣ не могъ по бѣдности засеять своего поля, то отправлялся на это поле ночью, когда хо-

зяинъ не зналъ о томъ, бралъ съ собою рабочій скотъ и сѣмена и засѣвалъ поле бѣдному сосѣду.

И послѣ того какъ пришелъ въ пустыню и началъ жить въ келліяхъ Хозива, старецъ всегда имѣлъ такое же состраданіе къ ближнимъ. Онъ обыкновенно хаживалъ на дорогу, ведущую отъ Иордана къ св. граду (Іерусалиму), нося съ собою хлѣбъ и воду, и если находилъ путника, утомленнаго ношею, бралъ на себя его ношу и провожалъ его до св. горы Масличной. Возвращаясь оттуда, онъ несъ ноши другихъ путниковъ, которыхъ находилъ по дорогѣ и провожалъ ихъ до Іерихона. Такимъ образомъ, всегда можно было видѣть старца, то обливающегося потомъ подъ тяжелою ношею, то несущаго на плечахъ чье-либо дитя; иногда, сидя на дорогѣ, починивалъ онъ обувь странниковъ, для чего всегда имѣлъ при себѣ все нужное; иныхъ поилъ водою, которую носилъ съ собою; другимъ подавалъ хлѣбъ; если видѣлъ нагого человѣка, отдавалъ ему свое платье, въ которомъ одѣтъ

былъ самъ. Словомъ—цѣлый день можно было видѣть его въ трудахъ. Если находилъ мертваго на дорогѣ, творилъ надъ нимъ обычныя молитвы и предавалъ погребенію.

Отцовская любовь.

У одного престарѣлаго отца было трое дѣтей: два сына и дочь. Мать ихъ давно уже сошла въ могилу. Младшій велъ порочную жизнь. Это очень огорчало отца. Братъ же и сестра негодовали на брата и даже смотрѣть на него не хотѣли. И вотъ, однажды стали они просить своего отца изгнать изъ дому безпутнаго ихъ брата.

Отецъ кротко выслушалъ ихъ просьбу и сказалъ:

„Вы братъ и сестра ему, а я отецъ. Я не могу этого сдѣлать; не могу выгнать сына моего“.

Потомъ подошелъ къ младшему сыну, обнялъ его со слезами и проговорилъ: „Богъ съ тобою, бѣдное дитя мое, жалю мнѣ тебя. Знай, что если бы и всѣ отъ

тебя отказались, отецъ никогда не закроетъ тебѣ ни сердца своего ни дома своего“. Виновный остался въ отцовскомъ домѣ и доброю жизнью оправдалъ отцовскую любовь.

Милостыня короля.

Въ старину знаменитый и добродѣтельный англійскій король, Альфредъ Великій, побѣжденный врагами, принужденъ былъ скрываться отъ непріятели въ маленькомъ замкѣ, гдѣ онъ былъ лишенъ почти всякихъ средствъ къ пропитанію.

Однажды пришелъ къ нему нищій просить милостыни; но слуги объявили королю, что ему нечего дать, такъ какъ во всемъ замкѣ находится только одинъ небольшой хлѣбецъ, едва достаточный для него самого.

„Отдайте бѣдному полъ-хлѣба, — отвѣчалъ король. Тотъ, который пятью хлѣбами и двумя рыбами насытилъ пять тысячъ людей, можетъ сдѣлать, что намъ и полъ-хлѣба будетъ достаточно“.

Еще человѣкъ.

Во время сильной бури у береговъ Испаніи, съ одного фрегата замѣченъ былъ разбитый купеческій корабль. Съ фрегата спустили лодку, и нѣсколько смѣльчаковъ отправились на помощь, ныряя по волнамъ. Приблизившись, они увидали парусъ, привязанный къ сломанной мачтѣ, какъ бы для защиты отъ вѣтра. Двое изъ нихъ быстро взобрались на обломокъ корабля и за парусомъ увидали скорченный остовъ человѣка, изсохшаго отъ голода и неподававшего признака жизни; но сердце еще билось и жизнь не совсѣмъ угасла.

Они подняли его на руки, какъ ребенка — такъ онъ сталъ худъ и легокъ. Въ ту минуту, какъ они собирались спустить его въ лодку, на руки товарищамъ, онъ съ невыразимымъ усиленіемъ сталъ что-то бормотать гробовымъ голосомъ, и они съ трудомъ разобрали слова: „Тамъ еще человѣкъ“.

Едва вернулось къ нему сознаніе, какъ явилось желаніе спасти другого.

Чтеніе изъ священнаго писанія.

Исторія Іосифа.

1.

Іосифъ же бѣше седмидесяти лѣтъ,
пасый овцы оца своего ѣ братією своею.

Іаковъ же любаше Іосифа паче всѣхъ
снѣвъ своихъ, яко снъ въ старости емѣ
выть: и сотвори емѣ ризъ пестрѣ.

Видѣвъ же братіа егѣ, яко любитъ
егѣ оцъ паче всѣхъ снѣвъ своихъ, воз-
ненавидѣша егѣ, и не можахѣ глаголати
къ немѣ ничтоже мирно.

Видѣвъ же Іосифъ сонъ, повѣда и
вратіи своей.

И рече имъ: послѣшайте сна сегѣ,
егѣже видѣхъ.

Мнѣхъ басъ вѣждущихъ снопы средѣ
пола: и воста мой снопы, и ста прѣмъ:

ваши же снопы обратившеса поклоні-
шася моимѣ снопѣ.

Рѣша же емѣ братіа егѣ: еда
црѣтѣва црѣтѣвати вѣдеша надъ нами,
или гдѣтѣва гдѣтѣвати вѣдеша надъ
нами, и приложиша еци ненавидѣти
егѣ снѣвъ ради егѣ, и ради словесъ егѣ.

Видѣ же сонъ дрдгій, и повѣда егѣ
оцѣ своему, и вратіи своей, и рече: се
видѣхъ дрдгій сонъ: яко бы солнце и
лѣна, и единнадесять звѣздъ покла-
нахѣса мнѣ.

И запрети емѣ оцъ егѣ, и рече емѣ:
что сонъ сей, егѣже еси видѣлъ; еда
пришедше придемъ азъ и мати твоѣ, и
вратіа твоѣ поклонитиса тебѣ до
земли;

Позавидѣша же емѣ братіа егѣ:
оцъ же егѣ соблюде слово сѣе.

Индóша же вратѣа егѡ пастѣ овцы
оца своего в оу́хемъ.

И рече Израиль ко Іосифѣ: еда вратѣа
твоа не пасѣтъ в оу́хемѣ; гряди, да
полю тѣа к нимъ. рече же емѣ: се азъ.

Рече же емѣ Израиль: шедъ, виждь,
аще здравствуютъ вратѣа твоа, и овцы,
и повѣжда ми. и посла егѡ въ юдоли Хев-
ронни: и прїиде в оу́хемъ.

И обрѣте егѡ члвѣкъ заблждающа
на поли: вопроси же егѡ члвѣкъ, глаго-
ла: чего ищеша;

Онъ же рече: вратѣи моеа ищѣ:
повѣжда ми, гдѣ пасѣтъ.

Рече же емѣ члвѣкъ: шндóша шюдѣ:
слышахъ во ихъ глаголющихъ: пойдемъ
доламъ. и иде Іосифъ в слѣдъ вратѣи
своеа, и обрѣте а в доламѣ.

Предъзрѣша же егѡ изда́лече, прѣжде

привлженїа егѡ к нимъ: и слѣ оумь-
слиша оубѣти егѡ.

Рече же кїждо к вратѣа своему: се
снобидецъ оный идетъ.

Нынѣ оубо прїидите, оубїемъ егѡ, и
ввержимъ егѡ во едїнъ ѿ рѣкъ: и ре-
чѣмъ: свѣрь лютъ слѣде егѡ: и оузримъ,
что вѣдѣтъ сонїа егѡ.

Слышавъ же рѣвїмъ, ѿ егѡ изъ рѣкъ
ихъ, и рече: не оубїемъ егѡ на дшн.

Рече же имъ рѣвїмъ: не пролїйте кро-
ве: вверзїте егѡ во едїнъ ѿ рѣкъ
сїхъ, иже в пѣстыни, рѣки же не воз-
ложите на него: (тѣашеса во) ѡакъ да
изыметъ егѡ ѿ рѣкъ ихъ, и ѿдастъ егѡ
оца своему.

Бысть же егда прїиде Іосифъ к вратѣи
своей, совлекоша со Іосифа рїзѣ
пѣстрою, ѡже на немъ.

И поёмше єго, ввергоша в ровъ: ровъ же тоущъ, воды не имаше.

И сѣдоша ѣсти хлѣвъ: и воззрѣвше очима, видѣша: и се пѣтницы Ісмаилтане и дѣхъ ѿ Галаада, и веллюды ихъ полны аѳѣма и ритины *) и стѣкти: и дѣхъ же везуще во вѣгупетъ.

Рече же Іуда къ братѣи своей: каа польза, аще оубіемъ братѣа нашего, и скроемъ кровь єго;

Градѣте, продадимъ єго Ісмаилтаномъ симъ: рѣцѣ же наши да не вѣдѣтъ на немъ, ѣкѡ братъ нашъ, и плоть наша єсть. послѣдѣша же братѣа єго.

И мимодоша члѣвцы Мадѣмстѣи кѣпцы: и извекоша и возведоша Іосифа изъ рова, и продаша Іосифа Ісмаилтаномъ

*) Тѣкъ маститый изъ дрѣва текущій.

на двадесать златницъ: и поведоша Іосифа во вѣгупетъ.

Возвратѣса же Рѣкимъ къ рову, и не оузрѣ Іосифа въ ровѣ: и растерза ризы своѣ.

И прїиде къ братѣи своей, и рече: Отрочица нѣсть, азъ же каа ѡ и дѣ кто мѣ;

Взѣмше же ризѣ Іосифовѣ, заклаша козлище ѿ козъ, и помазаша ризѣ кровію.

И послаша ризѣ пѣстрю, и принесоша ко оцѣ своему, и рекоша: сїю ѡверѣтохомъ: познавай, аще риза сѣа твоего єсть, или ни;

И позна ю, и рече: риза сѣа моего єсть: свѣрь лючѣа снѣде єго: свѣрь восхити Іосифа.

И растерза Іаковъ ризы своѣ, и возложи вретнице на чресла своѣ, и плакашеса сѣа своего дни многі.

Обрѣашася же вси снѣве егѣвъ и дщери,
и приидоша оутѣшити егѣво: и не хотѣ-
ше оутѣшитися, глагола: ѿкъ снѣдъ къ
снѣдъ моему стѣтѣво во адъ, и плакаса ѿ
немъ оцъ егѣвъ.

Мадіане же продаша Іѡсифа во егѣ-
петъ Пентефрѣю егѣнѣхъ фараоновъ, архі-
магірѣ.

2.

Бысть же по двою лѣтъ дней, фа-
раонъ видѣ сѣнъ: мнѣшася стоати при
рѣцѣ.

И се ѿки изъ рѣки исхождахъ сѣдмь
кравъ двѣры видомъ, и избранны тѣле-
сы, и пасухса по врегъ.

Другіа же сѣдмь кравъ изыдоша по
снхъ изъ рѣки, злы видомъ и тѣлеси
хвды, и пасухса съ кравами по врегъ
рѣчнѣмъ.

И поодоша сѣдмь кравы злыа и хв-
дыа тѣлеси сѣдмь кравъ добрыхъ ви-
домъ, и избранныхъ тѣлеси: (и сѣа не-
видимы быша, ѿкъ видоша въ чрѣсла
ихъ.) воста же фараонъ.

И видѣ сѣнъ вторый: и се сѣдмь клѣси
исхождахъ изъ стѣвлѣа единаго избранны
и добры.

Другіи же сѣдмь клѣси тонцыи, источ-
чѣни вътромъ, израстахъ по нхъ.

И пожроша сѣдмь клѣси тонцыи и ис-
точчѣни вътромъ, сѣдмь клѣсовъ избран-
ныхъ и полныхъ. воста же фараонъ, и
бѣше сѣнъ.

Бысть же завтра, и возмѣтиса душа
егѣво: и пославъ, созва всѣа сказатели егѣ-
петскіа, и всѣа мудрыа егѣво: и повѣда
имъ фараонъ сѣнъ свой: и не бѣше ска-
зѣмъ того фараонъ.

И рече старѣйшина кінарскъ кѣ Фараѡнѣ,
глагола: грѣхъ мой воспоминаю днесь.

Фараѡнъ разгнѣвася на рабы свои, и
вверже насъ въ темницѣ въ домѣ архіма-
гіра, мене и старѣйшинѣ житѣрска.

И видѣхомъ сонъ два единыя ноци
азъ и онъ, кійждо свой сонъ видѣхомъ.

Баше же чамъ сѣ нами юноша, отрокъ
евреинъ архімагіровъ, и повѣдахомъ смѣ,
и разседи намъ.

Бысть же, якоже сказа намъ, такъ и
сбдчися, мнѣ пѣки выти во своемъ ста-
рѣйшинствѣ, а ономѣ повѣшенѣ.

Пославъ же Фараѡнъ, призвалъ Іѡсифа:
и изведоша его изъ твердыни, и остри-
гоша его, и измѣниша ризы смѣ: и при-
иде кѣ Фараѡнѣ.

Рече же Фараѡнъ Іѡсифѣ: сонъ ви-
дѣхъ, и сказа мѣ егѡ нѣсть: азъ же

слышахъ о тебѣ глаголющихъ, яко слы-
шавъ сны, разсуддеша тыя.

Ѣвѣщавъ же Іѡсифъ Фараѡнѣ, рече:
везъ егѡ не ѡвѣщаетсѣ спасеніе Фараѡнѣ.

Рече же Фараѡнъ Іѡсифѣ, глагола: во
снѣ моѣмъ мнѣхся стоати на вреѣтѣ
рѣчнѣмъ:

И аки изъ рѣки исхождахъ седмь кра-
вы добры видомъ, и избранныя чѣлеси,
и пасухсѣ по вреѣтѣ.

И се дрѣвѣа седмь кравъ исхождахъ въ
сѣдѣхъ ихъ изъ рѣки, слы и недобры
видомъ, и худы чѣлеси, яковыхъ не ви-
дѣ такыхъ во всей землѣ егѡпетстѣй
худшихъ.

И издоша седмь кравы слы и худ-
дыа седмь кравъ пѣрвыхъ добрыхъ и
избранныхъ:

И внидоша во оутрѣвы ихъ, и не

явѣшася, яко внидоша во оутрѣвы ихъ:
и оубличѣа ихъ сла быша, яко и испѣрка:
воставъ же, (пакѣ) оуснѣхъ.

И видѣхъ пакѣ во снѣкѣ моѣмъ, и аки
сѣдмь класи исхождахѣ изъ единого стѣв-
ліа полны и добры.

Дрѣзѣи же сѣдмь класи тонцыи и вѣт-
ромъ истончѣни изницахѣ въ слѣдъ ихъ.

И пожроша сѣдмь класи тонцыи и
вѣтромъ истончѣни сѣдмь класовъ доб-
рыхъ и полныхъ. рѣхъ оубво сказателемъ,
и не бысть повѣдаѣи мнѣкѣ того.

И рече Іосифъ Фараѡнъ: сонъ Фараѡ-
новъ единъ естъ: елика Бгъ творитъ,
показа Фараѡнъ.

Сѣдмь кравы дѣврыа, сѣдмь лѣтъ сѣтъ:
и сѣдмь класи добрыи, сѣдмь лѣтъ сѣтъ.
сонъ Фараѡновъ единъ естъ.

И сѣдмь кравы худыа, иже изыдоша по

снхъ, сѣдмь лѣтъ сѣтъ. и сѣдмь класи
тонцыи, и истончѣни вѣтромъ, сѣдмь
лѣтъ сѣтъ: вѣдѣтъ сѣдмь лѣтъ глада.

Слово же еже рѣхъ Фараѡнъ, елика
Бгъ творитъ, показа Фараѡнъ.

Се сѣдмь лѣтъ приходитъ, обильность
многа во всей землѣ Егѣпетскѣй.

Прїидѣтъ же сѣдмь лѣтъ глада по
снхъ: и завѣдѣтъ сытѣсти вѣдѣща во
всемъ Егѣптѣ, и погвѣитъ гладъ землю:

и не познаетсѣ обиліе на землѣ ш
глада вѣдѣщаго по снхъ: силенъ во вѣ-
дѣтъ сѣлѣ.

Повторисѣ же сонъ Фараѡнъ двѣжды,
яко истинно вѣдѣтъ слово еже ш Бга:
и оускоритъ Бгъ сотворити оно.

Нынѣ оубво оусмотри члѣвка мѣдра
и смыслена, и постави его надъ землею
Егѣпетскою:

и да сотвори́тъ Фарао́нъ, и поста́-
витъ мѣстоначальники по земли: и да
совира́ютъ пѣтѣю часть ѿ всѣхъ пло-
дѣвъ земли егѹпетскѣа седми лѣтъ
обильныхъ:

и да соверѣтъ всѣкъю пи́щю седми
лѣтъ градѣщихъ добрыхъ снхъ: и да
соверѣтса пшеница подъ рѣкѣ Фарао́ню:
пи́ща во градѣхъ да хранитса.

И вѣдетъ пи́ща соблюде́на земли на
седми лѣтъ гладныхъ, ꙗже имѣтъ быти
въ земли егѹпетскѣй, да не потребитса
земля въ гладѣ.

Оу́годно же бысть слово предъ Фарао́-
номъ и предъ всѣми рабѣи егѹ.

И рече́ Фарао́нъ всѣмъ раво́мъ своимъ:
ѣда́ ѡбраще́мъ члѣвѣка сицеваго, ꙗже
имать Дѹа Бж́ѣа въ себѣ;

Рече́ же Фарао́нъ Іосифѣ: поне́же по-

каза́ Бг̃ъ тебѣ́ всѣ́а сѣ́ла, нѣсть члѣвѣка
мѣдрѣ́йша и смысленнѣ́йша ꙗ́че тебе́.

Ты вѣдеши въ до́мъ моѣмъ, и оустъ
твоихъ да послѣ́шаютъ вси лю́дѣ мои:
рѣзвѣ́ престоломъ ѡ́зъ во́лѣе тебе́ вѣда́.

Рече́ же Фарао́нъ Іосифѣ: се́ поставляю
тѣ́а днесь надъ всею́ землею егѹпетскою.

И снѣмъ Фарао́нъ перстень съ рѣки своѣа,
возложи́ егѹ на рѣкѣ́ Іосифовѣ: и ѡблече́
егѹ въ рѣзъ червленѣнъ, и возложи́ грѣбнъ
зла́тъ на выю́ егѹ:

И всади́ егѹ на колесни́цъ свою́ вто-
рѣю, и проповѣ́да предъ́ нимъ проповѣ́д-
никъ: и поста́ви егѹ надъ всею́ землею
егѹпетскою.

Рече́ же Фарао́нъ Іосифѣ: ѡ́зъ Фара-
о́нъ: вѣзъ тебе́ не воздви́гнетъ рѣки своѣа
никто́же во все́й земли егѹпетскѣй.

И нарече́ Фарао́нъ имя́ Іосифѣ Фон-

Аомфанихъ: и даде ѿмѹ Асенѹ, дщѣрь
Петрефрїа жреца илїопольскаго, ѿмѹ вѣ женѹ.

Иосифъ же вѣше лѣтъ тридесати,
егда предста фараонѹ црїю егѹпетскомѹ.
Изыде же Иосифъ ѿ лица фараона, и
пройде всю зѣмаю егѹпетскю.

И сотвори земля вѣ седми лѣтѣхъ
обильнѹ жатвѹ.

И собра вѣсѣмѹ пищѹ седми лѣтѣхъ, вѣ
нихже вѣше обильность вѣ земли егѹ-
петскѣй: и положи пищѹ во градѣхъ:
пищи пѹль града, сѣчихъ окрестъ егѹ,
положи вѣ немѣхъ.

И собра Иосифъ пшеницѹ ѿкѹ песѹкъ
морскїй многѹ зѣлаѹ, дѹндеже не можахѹ
исчестїи: безѣ числа во вѣше.

Иосифъ же вѣста два сѣна, прѣжде при-
шествїа седми лѣтѣхъ глѣднѹхъ.